

№ 28. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 20 к.

С.-Петербургъ, 14 Іюля 1879 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новая улица, домъ № 6. Годъ VII.

Взаимное обращеніе.

Разсказъ въ стихахъ **А. Додэ.** Пер. **А. Вигилянскаго.**

(Окончаніе.)

IV.

Въ тотъ самый день, по вечеркомъ,
Опять голубка съ голубкомъ
Заворковали въ прежнемъ скверѣ.
Все въ томъ же, кажется, размѣрѣ
Была ихъ страсть; по крайней мѣрѣ,
Они, забившись въ уголокъ,
Вели вотъ этотъ діалогъ:

Андрей.

Какой сегодня день унылый!

Сара.

Какъ я несчастлива, мой милый!

Андрей.

Сегодня поутру влетѣлъ
Отецъ и, не скрывая злости,
При дядюшкѣ, пришедшемъ въ гости,
Поклялся положить предѣлъ
Союзу нашихъ душъ и тѣлъ.
О, милая, какъ я тоскую!

Сара.

Сегодня утромъ мать моя
Дала мнѣ, злости не тая,
Головомойку—да какую!..
Не трудно было понимать,
Что дочкѣ запрещала мать
Сердечной склонности внимать.
О, милый мой, какъ я тоскую!

Андрей.

Какъ! неужели нужно имъ,
Чтобъ это страстное влеченье
Исчезло въ воздухѣ, какъ дымъ—
Изъ-за обряда обрученья!

Сара.

Зачѣмъ мы волею Творца
Въ порывѣ сдержаны взаимномъ,
Когда могли бы слить сердца
И славословить общимъ гимномъ?

Андрей.

Взгляни на птицъ небесныхъ. О,
Какъ голубкамъ любить легко!
Они другъ друга отличаютъ—
И ихъ отцы не разлучаютъ
Подъ тѣмъ предлогомъ, напримѣръ,
Что голубки различныхъ вѣръ...
Весь этотъ гнетъ людскихъ привычекъ
Смѣшнымъ покажется для птичекъ.
А много-ль нужно имъ, скажи?
Чуть-чуть любви, немного ржи,—
Вотъ пища птичекъ разныхъ кличекъ.
Не такъ ли?

Сара.

Да, ихъ жизнь легка.
Но птичкой мнѣ не быть пока!
Мамаша мнѣ помнетъ бока.

Андрей.

Ахъ, да! И я забылъ невольно:
Отецъ убить меня скорѣй
Готовъ, чѣмъ видѣть, что Андрей
Женится вздумалъ самовольно.

Сара.

И такъ, о свадьбѣ ни гу-гу.
Расчеты наши всѣ разбиты!
Мать злющая, отецъ сердитый,
Мы въ заколдованномъ кругу.
Какъ исцѣлить намъ сердца муку?
Идемъ! Надежда на разлуку.
Но если нѣтъ отрады впредь,—
Намъ остается умереть.

(*Плачетъ*).

(*Продолжительное молчаніе*).

Андрей (*внезапно*).

А! Я нашелъ исходъ практичный.

Сара (*съ живостью*).

Мы позабыли путь отличный.

Андрей.

Ты любишь-ли меня? Тогда
Для насъ не создана бѣда.

Сара.

О, перейди въ законъ еврейскій!

Андрей (*въ то же время*).

О, Сара, католичкой будь!

Сара (*съ досадой*).

Ты изобрѣлъ престранный путь!

Андрей (*обидчиво*).

А твой... не слишкомъ-ли библейскій?

Сара.

Что вы сказали, мой дружокъ?

Андрей.

Что ваше средство не пригоже,
Хотя, мой маленькій божокъ,
Вы для меня всего дороже...

Сара.

Но объясните, почему
Вы предлагаете мнѣ тоже,
Что вамъ противно самому?

Андрей.

Мы въ положеніи особомъ...
И я люблю васъ всей душой.
Но этой жертвой небольшой
Вы мнѣ купили бы покой,
Себѣ—спасеніе за гробомъ!

Сара (*съ улыбкой*).

Вы предложеніе свое
Недурно сдѣлали невѣстѣ...
Примите лучше вы мое—
И мы тогда погибнемъ вмѣстѣ.
Умолкла Сара и ждала...
Но такъ какъ другъ смотрѣлъ уныло,
То подъ конецъ приберегла
Тотъ аргументъ, въ которомъ сила
Почти волшебная была:
Она Андрея обняла
И нѣжный ротикъ приложила
Къ его пылающей щекѣ.
(Въ аргументаціи самъ раввинъ
Не могъ быть болѣе исправенъ!)
Смутился умъ въ еретикѣ:
Онъ чувствовалъ, что упованья
Всѣ зашатались съ основанья,
Какъ домъ стоящій на пескѣ.
Не зналъ онъ, какъ спасти успѣшнѣй
Религіозный свой экстазъ,
Который такъ же скоро гасъ,
Какъ таетъ снѣгъ порою вешней.
По счастью, спохватился онъ,
Своимъ благоразумьемъ сильный,
И этимъ былъ предотвращенъ
И грѣхъ большой, и стыдъ фамильный.
Духъ нерѣшимости исчезъ,
Едва Андрей отворотился
Отъ глазокъ тѣхъ, куда залѣзъ
Коварный искуситель бѣсъ.
Католикъ тайно помолился
И—краснорѣчья своего
Излилъ потоки... Рѣчь его
Гласила о католицизмѣ,
О Богородицѣ потомъ
И объ Іосифѣ Святомъ,
О Сынѣ Божіемъ, о схизмѣ
И многое еще о чемъ...
О церкви истинной Господней
Онъ выражался въ рѣчи той
Съ опредѣленностью такой,
Что чортъ затрясся въ преисподней.
Но Сара все-таки тогда
Въ своей религіи тверда
Была по-прежнему и стала
Андрею возражать. Сначала
Изобразила безъ труда,
Широкой и искусной лѣпкой,
Жидовъ, — народъ способный, цѣпкій,
Сплотившійся въ желѣзный кругъ

ныя мысли пробѣгали въ моемъ мозгу: мнѣ казалось, что передо мной братъ экономъ бенедектинцевъ, идущій въ монастырское хранилище. Себя я тоже воображалъ старикомъ и поглаживалъ себя по груди, какъ будто у меня была почтенная борода. Пустое углубленіе въ стѣнѣ смутно напомнило мнѣ статую Дѣвы, гдѣ нѣкогда горѣла вѣчная лампада. Внезапно охваченный ужасомъ, я собирался сообщить мои грезы Себальту, какъ вдругъ мы наткнулись на огромную дубовую дверь, обитую толстыми гвоздями. Бауеръ съ силой толкнулъ ее:

— Ну, товарищъ, сюда! вскричалъ онъ.

Его голосъ, раздавшійся звонко въ этой тьмѣ, мѣрно изчезалъ въ далекихъ углахъ подземелья. Меня охватило странное ощущеніе. Мы вошли.

Въ жизни моей я видалъ много хорошихъ погребовъ, начиная отъ погреба герцога Насаускаго и кончая погребомъ ратуши Бремена, гдѣ хранится знаменитый розенвейнъ, который граждане добраго вольнаго города ежегодно посылали въ даръ Гёте по бутылкѣ ко дню его рожденія; я видѣлъ погреба и лучше и обширнѣе погреба моего пріятеля Брауера, но справедливость обязываетъ меня сказать, что я не встрѣчалъ ни одного такъ хорошо содержимаго.

Подъ сводомъ въ 30 футовъ вышиною и болѣе 100 метровъ длиной, изъ широкихъ гранитныхъ камней, бочки вытянутыя въ двѣ паралельныя линіи являли взору тотъ видъ порядочности, который въ самомъ дѣлѣ производилъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. За каждымъ боченкомъ висѣла на стѣнѣ запись, гдѣ значилось, мѣстное-ли это вино, годъ, день и время сбора винограда, первый это или второй чанъ, однимъ словомъ, всѣ права на благородный вкусъ благодѣтельнаго сока, заключеннаго въ бочкахъ, сжатыхъ желѣзными обручами. Мы медленно и важно подвигались.

— Вотъ и бромбергъ, сказалъ хозяинъ, освѣщая колосальную бочку;—это мое обычное вино: Слышишь, какъ на верху-то отличаются:

«Для меня онъ бережетъ
Денежки съ отливомъ желтымъ. .»

А мы все шли, да шли дальше.

— Стой, вскричалъ онъ,—передъ нами штейнбергъ 1822 года, знаменательный годъ! Ну-ка попробуемъ!

Онъ поставилъ на землю свѣчку, взялъ съ полки стаканъ богемскаго хрусталя, въ формѣ бокала на тонкой ножкѣ и отвернулъ кранъ. Золотая струя полилась въ бокалъ. Но прежде, чѣмъ предложить вино мнѣ, Брауеръ медленно поднялъ бокалъ, чтобы показать чудный цвѣтъ свѣтлой какъ янтарь влаги. Потомъ онъ поднесъ бокалъ къ своему кривому носу.

— Какой букетъ, какой запахъ! сказалъ онъ.— Ахъ, это чистое волшебство, это грезы Фрейшюца!

Я отпилъ... Всѣ фибры моего существа воспрянули, я почувствовалъ легкое головокруженіе.

— Ну, спросилъ Себальтъ,—что ты скажешь?

Вмѣсто отвѣта, я принялся напѣвать: «Охотникъ ловкій» и т. д. И далеко расходилось эхо, казалось всѣ тѣни прошлаго возстали и пѣли вмѣстѣ со мной. Какъ это было великолѣпно!

— А вотъ раньше-то ты не пѣлъ, сказалъ мнѣ Себальтъ со странной улыбкой на губахъ.

Это замѣчаніе поразило меня и я вскричалъ:

— Такъ ты думаешь, это во мнѣ поетъ вино?

Но онъ казалось не обращалъ вниманія на мои слова, видъ его былъ очень сдержанъ.

Мы продолжали наше подземное странствованіе, казалось, старыя бочки почтительно насъ привѣтствовали. Наши взоры оживились. Брауеръ тоже пилъ.

— Да, сказалъ онъ,—вотъ это вино пробуждаетъ мотивы изъ «Волшебной флейты», только такому доброму другу, какъ ты, я дамъ отвѣдать іоганисбергера XI года.

Чуть замѣтная струя, шипя, полилась въ кубокъ—онъ наполнился. Я сосредоточенно высосалъ все до послѣдней капли; Брауеръ, заложивъ руки за спину, смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, онъ, казалось, завидовалъ моему счастію. Духъ, скрытый въ старомъ винѣ, духъ, оживляющій нашу душу, духъ Моцарта, Глюка, Вебера, Теодора Гофмана, наполнилъ все мое существо, волосы у меня стали дыбомъ.

— О, вскричалъ я,—божественное вдохновеніе, очаровательная музыка! Нѣтъ, никогда смертный не виталъ такъ, какъ я, въ безконечномъ пространствѣ.

Я прислушивался къ мелодичному скрипу отвертываемаго крана, но Брауеръ не желалъ пропѣть мнѣ вторую арію.

— Какъ это пріятно, сказалъ онъ, — когда угощаешь виномъ истаго цѣнителя и знатока; ты не то, что нашъ бургомистръ Кальбъ, который прополоскалъ себѣ горло тремя стаканами прежде, чѣмъ сказалъ словечко. Животное, я его сейчасъ же выпроводилъ!

Тутъ мы принялись обозрѣвать гатенгеймъ, гогенхеймъ, маркобрунеръ, рюдесгеймъ, всѣ эти воспламеняющія вина и, странное дѣло, пробуя новый сортъ вина, я припоминалъ новую пѣсню и невольно напѣвалъ ее; убѣжденіе Себальта становилось для меня доступнѣе, я понялъ, что онъ мнѣ преподалъ разгадку величайшей задачи новыхъ временъ.

— Брауеръ, сказалъ я,—неужели ты серьезно думаешь, что человѣкъ лишь пасивный исполнитель желаній бутылки, охотничій рогъ, флейта, корнетъ-а-пистонъ, которые вдохновляетъ бочка, и изъ котораго извлекается только то, что ей мило? Что сталось бы съ свободой, съ нравственнымъ закономъ, съ разумомъ, единичнымъ и общимъ, если бы это было такъ? Мы были бы тогда лишь воронками, чѣмъ-то вродѣ механизмовъ безъ души и достоинства! Стало быть императоръ Венцеславъ, величайшій питухъ, когда либо существовавшій, одинъ постигъ смыслъ человѣческаго достоинства? Его надо слѣдовательно почтить выше Солона, Ликурга и семи греческихъ мудрецовъ?

— Я нетолько это думаю, отвѣчалъ Брауеръ, — но я въ этомъ увѣренъ; дурачье, тамъ наверху, воображаютъ, что они поютъ, что хотятъ. Ну, такъ знай, что я самъ, въ моемъ погребѣ, выбираю ту пѣсню, которую мнѣ хочется послушать; у каждой бочки своя пѣсня; у одной печальная, у другой веселая. Да вотъ, суди самъ; Теодоръ, такъ и быть, я пожертвую боченокъ гогенгейма; это вино нѣжное, бромбергъ ужь истощился; слышишь, какъ они шумятъ, наверху. Ну-ка, обратимъ ихъ къ чувствительности!

Тогда, вмѣсто того, чтобы наполнить боченокъ бромбергомъ, онъ подставилъ его подъ кранъ гогенгейма, потомъ, съ привычной ловкостью, взвалилъ его на плечи; мы поднялись.

Вся таверна была въ смятеніи; пѣніе «Разбойниковъ», обратилось въ безчинство.

— Ахъ! вскричала жена Себальта,—я заждалась тебя, уже съ четверть часа всѣ бутылки опустѣли; послушай-ка, что за шумъ, они вѣдь все разобьютъ!

И точно, звонъ бутылокъ раздавался на всѣхъ столахъ:

— Вина, вина!

Хозяинъ поставилъ боченокъ на прилавокъ и наполнилъ бутылки, его жена едва успѣвала подавать, шумъ увеличивался. Я занялъ свое прежнее мѣсто и, смотря на всю эту суету, напѣвалъ аріи то изъ «Волшебной флейты», то «Фрейшюца», «Донъ-Жуана» и «Оберона», однимъ словомъ, изъ всѣхъ оперъ, которыя я перезабылъ давно или не зналъ никогда. Юность, любовь, поэзія, семейное счастіе, безграничныя надежды, все возрождалось въ моемъ сердцѣ; я улыбался, я не владѣлъ собою. Вдругъ настала глубокая тишина, пѣсня «Разбойниковъ» прекратилась, какъ по волшебству, и Юлія Веберъ, дочь скрипача, запѣла нѣжную пріятную пѣсню дѣвочки изъ «Фридриха Барбарусы». Вся зала слушала молодую дѣвушку въ глубокомъ молчаніи и когда она повторила припѣвъ всѣ принялись подпѣвать вполголоса «Меня зоветъ тамъ звонъ, вы слышите-ли звонъ?»

Это было удивительно сценично.

— Ну, что скажешь, спросилъ Брауеръ, наклоняясь къ моему уху, — кто поетъ?

— Бочка гогенгейма, тихо отвѣтилъ я, слушая пѣніе молодой дѣвушки, это тихое, ровное, сладкое пѣніе добраго стараго времени.

О, благородные холмы Жиронды, Бургони и Прирейнскихъ земель и вы, горячіе виноградники Испаніи и Италіи: мадера, марсала, порто, хересъ, лакрима-кристи и ты, токайское, чудное венгерское! я васъ теперь понимаю, вы души былыхъ временъ, угасшихъ поколѣній! Привѣтъ вамъ! Цвѣтите и преуспѣвайте вѣчно! А ты, доброе вино, съ нетерпѣніемъ ждущее счастливаго момента, чтобы перелиться въ наши жилы и заставить биться наши сердца, ты не долго будешь ждать! Клянусь, я освобожу тебя изъ плѣна бочекъ, я заставлю тебя пѣть и веселиться, лишь только Владыка всѣхъ существъ облечетъ меня этой мисіей на землѣ! Но когда я перестану существовать, когда на холмѣ, покрывающемъ мои кости снова зазелѣнѣютъ и раскинутся виноградныя лозы, когда моя кровь заиграетъ яркимъ цвѣтомъ въ зрѣлыхъ кистяхъ и разольется изъ подъ тисковъ чистыми свѣтлыми струями, тогда юноши, вашъ чередъ меня освобождать! Дайте мнѣ возродиться въ васъ, жить вашей радостью, вашимъ мужествомъ, какъ я сегодня живу блаженствомъ былого, вотъ все мое желаніе, вся моя просьба! И такъ, пусть каждый изъ насъ исполнитъ великую заповѣдь: «Возлюбимъ другъ друга, изъ вѣка въ вѣкъ. Аминь».

Смерть Храма.

(См. рис. въ 26 № Жив. Об.)

Въ статьѣ «Брюнего» (по стариннымъ историческимъ учебникамъ «Брунегильда») мы уже говорили о томъ, какими чудовищными преступленіями ознаменовали себя французскіе короли первой династіи Меровинговъ. Событіе, послужившее темой для картины Люмине, копія съ которой воспроизведена въ 26 № нашего журнала, случилось ранѣе событія, разсказаннаго въ ст. «Брюнего». По смерти короля Кловиса осталось 4 сына, которые и раздѣлили между собою Галлію. Каждый изъ нихъ желалъ, по примѣру отца, остаться одинъ владыкою всей Галліи. Они вели между собою постоянныя войны; наконецъ, третій изъ нихъ, Клотеръ, остался одинъ править всей Франціей, чего достигъ рядомъ преступленій. Клотеръ былъ достойнымъ сыномъ своего отца Кловиса. Жестокій и сластолюбивый, онъ не останавливался передъ преступленіемъ, какъ бы возмутительно оно ни было. Онъ собственноручно зарѣзалъ ножемъ своихъ двухъ племянниковъ. Не обращая никакого вниманія на церковные христіанскіе законы, онъ былъ женатъ разомъ на 6 женахъ, изъ которыхъ 2 были родными сестрами, и одна его племянницей—сестрой убитыхъ имъ племянниковъ. Наконецъ, онъ влюбился въ дочь старшаго своего сына Храма и задумалъ отнять ее у него. Храмъ представлялъ рѣдкое исключеніе въ фамиліи Меровинговъ; при замѣчательной физической красотѣ, онъ отличался нравственными качествами и умомъ. Чудовищность отцовскаго замысла побудила его возстать противъ отца и короля. Произошло сраженіе; Храмъ былъ взятъ въ плѣнъ. Несчастнаго привязали къ деревянной скамьѣ и нѣсколько

часовъ сѣкли розгами въ присутствіи солдатъ. Потомъ его, вмѣстѣ съ женою и дѣтьми, заперли въ избу, и зажгли ее. Несчастные сгорѣли живыми. Клотеръ присутствовалъ при этомъ до тѣхъ поръ, пока не заглохъ послѣдній крикъ его несчастныхъ жертвъ.

Къ рисункамъ.

Опахиванье. Г. Мясоѣдовъ пріобрѣлъ извѣстность довольно давно. Первая его, обратившая на себя вниманіе, картина была «Гришка Отрепьевъ»; она находится въ галереѣ академіи художествъ. Еще большее вниманіе возбудила его картина «Чтеніе положонія»—вещь очень оригинальная, красивая по освѣщенію и группировкѣ. Затѣмъ остановили вниманіе публики на «передвижной выставкѣ» его послѣднія большія произведенія «Молебенъ» и «Опахиванье»; копію съ послѣдняго читатели найдутъ въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала: эта картина—страничка изъ внутренней народной жизни; «опахиваніе» одинъ изъ сотни суевѣрныхъ, языческихъ обычаевъ, существующихъ во многихъ мѣстахъ нашего отечества; это ночная прогулка деревенскихъ бабъ съ сохою, скачущихъ черезъ костеръ, изображена художникомъ безъ всякихъ прикрасъ. Отсутствіе прикрасъ, нежеланіе фантазировать и улучшать природу, стремленіе передать дѣйствительность во всей ея хотя бы и грубой правдѣ, вотъ отличительная черта произведеній г. Мясоѣдова, которыхъ сюжеты взяты изъ народной жизни: его Гришка, его монахи, его крестьяне, его бабы далеко не поэтическія, далеко не прекрасныя созданія и во всякомъ случаѣ никакъ не «пейзане», не «пастушки». Можетъ быть именно вслѣдствіе этихъ сторонъ таланта г. Мясоѣдова ему совсѣмъ не удаются картины въ родѣ «Игры въ горѣлки», изображавшей лѣтнія забавы помѣщичьей семьи. Тутъ нужно болѣе мягкости, болѣе легкости, болѣе граціи.

Цыганка. Передъ вами цыганка-дѣвочка съ ребенкомъ, — и только. Но эту фигуру дѣвушки съ ребенкомъ писалъ Бугеро—и успѣхъ картины на послѣдней парижской выставкѣ (1879 года) понятенъ вполнѣ. Напишетъ-ли онъ фигуру французской крестьянки или Зефира и Флору, изобразитъ-ли онъ какую-нибудь цыганку или купающихся женщинъ, вездѣ и всюду онъ съумѣетъ сохранить чисто французскую грацію, эфектность, сочность, которыми отличаются его картины: онѣ ласкаютъ глазъ, ихъ пріятно видѣть въ своемъ кабинетѣ, въ нихъ все прекрасно—это если не прикрашенная природа, то природа, показанная съ ея привлекательныхъ сторонъ. На картины Бугеро большой спросъ въ западной Европѣ и, признаюсь, очень понятно, что разнымъ Струсбергамъ и Ротшильдамъ гораздо пріятнѣе видѣть въ своихъ кабинетахъ «Зефира и Флору» или «Купальщицъ» Бугеро, чѣмъ «Бурлаковъ» г. Рѣпина или «Каменотесовъ» покойнаго Курбе.

Дѣвочки-итальянки. Кромѣ картины г. Мясоѣдова въ настоящемъ нумерѣ изъ русскихъ картинъ читатель найдетъ копію съ картины професора нашей академіи В. П. Верещагина. Это очень милый этюдъ двухъ маленькихъ итальянокъ, отдыхающихъ на землѣ. Копія эта на деревѣ сдѣлана для нашего журнала П. Чистяковымъ.

Ураганъ на рѣкѣ Укаяли. Рѣка Укаяли занимаетъ не послѣднее мѣсто въ южной Америкѣ. Она еще не вполнѣ изслѣдована; во многихъ мѣстахъ она протекаетъ въ совершенно первобытной глуши; на ней очень часты страшные ураганы. Одинъ изъ такихъ урагановъ, когда и деревья, и люди, и звѣри не могутъ устоять противъ все-сокрушающаго вѣтра и вихря, изображенъ на картинѣ Ріу.

Смѣсь.

— **Какъ люди женятся!** (Разсказъ Ж. Мальяра) Такой-то женится! Какъ! Зачѣмъ! Развѣ холостая жизнь была ему непріятна? Развѣ онъ не былъ счастливъ? Чего ему недоставало. Громкое имя, богатство, умъ, веселый характеръ, желѣзное здоровье! Искать при томъ новаго счастья, не значитъ-ли искушать судьбу? Такъ разсуждаемъ мы часто, когда разносится слухъ, что женится нашъ знакомый, чего мы не ожидали. Предметомъ подобнаго же удивленія былъ и Д... Никто не могъ придумать, что могло заставить его жениться. Женятся люди по любви, по расчету, со скуки, изъ приличія, по глупости, съ отчаянія, но ни одною изъ этихъ причинъ нельзя было объяснить брака Д... тѣмъ болѣе, что не далѣе, какъ полгода тому назадъ онъ постоянно твердилъ, что непремѣнно останется холостякомъ. И всѣ его знакомые ломали голову, что заставило его жениться. Никто этого не зналъ, никто, кромѣ меня, и я разскажу вамъ. Всему винной сен-мартенскій театръ. Д... 32 года, и онъ имѣетъ столько же тысячъ дохода. Онъ красавецъ, здоровъ, уменъ. Его любили и мужчины и женщины. И замѣтьте, несмотря на свои многочисленныя любовныя интриги, онъ съумѣлъ сохранить свою самостоятельность и цѣпи любви были для него всегда легки и пріятны; вообще онъ умѣлъ пользоваться жизнью. У него въ одно и тоже время было три любовницы, изъ разныхъ слоевъ общества: актриса, купчиха и свѣтская женщина; всѣ онѣ были одинаково любезны, пріятны и не стѣсняли его. Такія цѣпи любви нисколько не тяготили его и не возбуждали въ немъ желанія свободы. И онъ-то вдругъ женился.

Вотъ какъ это случилось. Однажды утромъ онъ получаетъ записку: «Другъ мой, я сегодня не играю. Если хочешь, проведемъ вечеръ вдвоемъ. Пойдемъ вмѣстѣ обѣдать, а потомъ сведи меня въ театръ, посмотрѣть «Путешествіе вокругъ свѣта», я еще не видала этой пьесы. Цѣлую тебя тысячу разъ» и т. д. Какъ устоять противъ такого приглашенія! Хотя Д... и былъ на первомъ представленіи этой піесы, онъ посмотрѣлъ ее во второй разъ и провелъ вечеръ очень пріятно.

На другое утро записка отъ другой: «Милый Альбертъ! Онъ уѣхалъ по дѣламъ на два дня въ Гавръ. Я безъ ума отъ радости. Въ 6 часовъ буду у тебя, моего побѣдителя. Какъ я люблю тебя» и т. д. P. S. «Какъ бы было мило съ твоей стороны, еслибъ ты свелъ меня сегодня вечеромъ посмотрѣть «Путешествіе вокругъ свѣта». Въ закрытомъ бенуарѣ насъ никто не увидитъ». Посткриптумъ былъ ужасенъ. Что дѣлать? сказать: «я видѣлъ эту піесу вчера», спросятъ «съ кѣмъ ты былъ?» придется солгать, но это недостойно его. Бѣдный Д..., боясь сцены ревности, рѣшился въ третій разъ посмотрѣть «Путешествіе вокругъ свѣта».

На слѣдующее утро еще письмо, теперь отъ третьей. Это было почти офиціальное приглашеніе на обѣдъ, но въ посткриптумѣ были два много обѣщавшія слова: «приходите пораньше». Д... приходитъ въ назначенный часъ и его нѣжно упрекаютъ, что онъ запоздалъ, что его такъ хотѣли видѣть...

— Скорѣе давайте обѣдать! говоритъ хозяйка.

— Отчего такъ рано, вы обѣдаете обыкновенно въ шесть часовъ.

— Сегодня я дѣлаю исключеніе.

— Развѣ больше никого не будетъ.

— Конечно. Я хочу обѣдать съ вами вдвоемъ.

— Какъ я счастливъ! Значитъ вашъ нарядъ—тоже для меня?

— Конечно, развѣ вы недовольны, неблагодарный!

Сѣли за столъ, обѣдаютъ на почтовыхъ, но Д... этого не замѣчаетъ, онъ весь поглощенъ созерцаніемъ красавицы, которая даритъ его нѣжными взглядами. За десертомъ она встаетъ и нѣжно говоритъ ему:

— Вы у меня въ плѣну на весь вечеръ.

— О какъ я счастливъ!

— У меня есть къ вамъ просьба. Мнѣ очень хочется видѣть «Путешествіе вокругъ свѣта». Я взяла ложу, вы не откажетесь меня сопровождать.

Съ бѣднымъ Д... чуть не сдѣлался обморокъ... Въ четвертый разъ... Отказаться онъ не могъ по той же самой причинѣ, какъ и накануцѣ; тѣмъ болѣе, что лошади уже были у подъѣзда.

Они вышли. Но урокъ принесъ свои плоды и пока предметъ его любви восторгалась пьесой, онъ серьезно обдумывалъ свое положеніе. Д... понялъ теперь, наконецъ, насколько тройная связь и безнравственна и неудобна. Онъ задрожалъ при мысли, что подобные случаи могутъ повторяться и рѣшился избѣжать этой опасности. Два дня спустя онъ уѣхалъ въ Нормандію. Черезъ 4 мѣсяца онъ вернулся въ Парижъ совсѣмъ измѣнившимся, обращеннымъ на путь истинный. Онъ встрѣтилъ тамъ женщину, какую ему было нужно, и женился на ней.

— По крайней мѣрѣ, говоритъ онъ,—я смотрю теперь новыя пьесы по одному разу, съ моей женой.

— **Женщины-телеграфистки.** Въ 1877 году, вслѣдствіе недостатка телеграфистовъ, по случаю усиленнаго воинскаго движенія, было разрѣшено нѣкоторымъ желѣзнымъ дорогамъ, въ видѣ временной мѣры, нанимать телеграфистокъ-женщинъ, безъ ограниченія ихъ числа и безъ стѣсненія условіемъ принадлежности замужнихъ женщинъ къ семействамъ служащихъ на станціяхъ. Въ настоящее время министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ прекратить это право, о чемъ техническо-инспекторскій комитетъ желѣзныхъ дорогъ и увѣдомилъ на-дняхъ желѣзно-дорожныя администраціи.

— **Новый телескопъ.** Газета «Русская Правда» передаетъ, что директору николаевской главной пулковской обсерваторіи, академику О. В. Струве, поручено вступить въ переговоры съ заграничными мастерскими для заказа новаго телескопа. Нѣкогда славившаяся своимъ рефракторомъ, пулковская обсерваторія нынѣ совершенно отстала въ этомъ отношеніи; въ Англіи и Америкѣ имѣются телескопы гораздо большихъ размѣровъ, позволяющіе естественно болѣе точныя и подробныя наблюденія. Г. Струве предоставлена въ этомъ случаѣ полная свобода. Онъ можетъ не стѣсняться размѣрами инструмента, такъ какъ телескопъ долженъ быть равенъ по качествамъ лучшимъ изъ вновь сфабрикованныхъ.

— **Какъ выгоняютъ иногда заразу.** Тульскій кореспондентъ газеты «Русская Правда» сообщаетъ слѣдующій курьезный образчикъ деревенскихъ нравовъ: «Въ восьми верстахъ отъ Тулы, близъ станціи «Протопопово», ряжско-вяземской желѣзной дороги, есть деревня того же имени. Дня три назадъ, черезъ эту деревню я проѣзжалъ поздно ночью. Едва только я въѣхалъ въ деревенскую улицу, какъ слухъ мой былъ пораженъ громкими, нестройными и дикими возгласами цѣлой толпы женщинъ, ко мнѣ приближались какія-то странныя бѣлыя фигуры. Это были крестьянскія бабы, въ однѣхъ бѣлыхъ рубахахъ, босоногія, съ распущенными и разметанными по плечамъ волосами. Впереди всѣхъ шла старуха и несла въ рукахъ икону съ прилѣпленною къ ней и зажженною восковою свѣчкою. Изъ остальныхъ женщинъ одна держала косу, другая вилы, прочія были вооружены длинными палками, нѣкоторыя тащили за собою вязанки соломы. Толпа быстро подвигалась впередъ и сопровождала свое шествіе странною, дикою пѣснью. Черезъ короткіе промежутки времени процесія останавливалась. На землю, посреди улицы, клался пукъ соломы и зажигался. Вся толпа начинала, съ крикомъ и пѣснями, кружиться около пламени и поправлять палками горѣвшую солому. На вопросъ, что значитъ это ночное таинство, мнѣ объяснили, что въ деревнѣ падежъ скота, пали двѣ коровы, и крестьянки боятся, чтобъ не пали всѣ; что сегодня ночью онѣ «выгоняютъ заразу изъ деревни».

— **Примѣры долголѣтія.** «Современныя Извѣ-

И претерпѣвшій столько мукъ
За Библію и за сундукъ;
Народъ, всегда имѣвшій рану
И бѣгавшій изъ края въ край,
Съ одной рукою на Синай
Простертой, а другой къ карману.
Затѣмъ, чтобъ кончить поскорѣй,
Она дала вопросъ злодѣйскій:
Читалъ-ли Библію Андрей,
Написанную по-еврейски?
А если нѣтъ, такъ отчего-жъ
Онъ зналъ, что новый текстъ не ложь?

Все это высказавъ, плутовка
Андрею на плечо головкой
Склонилась и воротничекъ
Раскрыла, отстегнувъ крючекъ:
Ей что-то въ горлышкѣ щемило.
Потомъ, поджавшись очень мило,
Она глаза рукой закрыла
И успокоилась сама,
И неподвижна, и нѣма.

Межь тѣмъ ея католикъ ярый
О христіанствѣ тезисъ старый
Сталъ выгораживать опять,
Не отступая ни на пядь.
Но, впрочемъ, вмѣсто разговора
Лобзанья водворились скоро.
Горячихъ словъ и просьбъ нѣмыхъ
Истративъ множество, въ итогѣ
При прежнихъ мнѣніяхъ своихъ
Остались наши теологи.
Когда же бѣдные домой
Вернулись, съ скорбною душой
И недовольные свиданьемъ,
То — каждый по своимъ преданьямъ —
Они рѣшились клятву дать:
Въ разлукѣ вѣкъ свой коротать.

V.

Андрей, въ часъ полночи глубокой,
Въ постели лежа одинокой,
Все думалъ про свою бѣду,
Горя и мучась... Какъ въ бреду,
Проклятья бормоталъ несчастный,
Ворочаясь среди простынь.
Ему разсудокъ ежечасно
Твердилъ: «забудь любовь! простынь!»
Но сердце отвѣчало ясно:
«И помышлять о томъ напрасно!»
И въ самомъ дѣлѣ: до сихъ поръ
Онъ чувствовалъ еврейки чары,
Хотя и помнилъ рѣзкій споръ
И странное упорство Сары.
О, какъ себя онъ осуждалъ
За католическія мнѣнья!
Какъ горячо онъ проклиналъ
Свой христіанскій идеалъ,—
Хоть наилучшій, безъ сомнѣнья!
Онъ задыхался, онъ стоналъ.

«Приди, еврейка дорогая!»
Кричалъ онъ, простыню кусая.
«Приди! Любовь къ тебѣ тая,
«Что будешь ты, то буду я;
«Священна просьба мнѣ твоя:
«Твоя религія — моя!»
Но тишина была отвѣтомъ,—
И только слышалось при этомъ,
Какъ по́дъ поломъ одна изъ крысъ
Царапала въ углу карнизъ,
Другая шмыгала за шкапомъ...
Еще будильникъ на стѣнѣ
Ходилъ не по своей винѣ,
Напоминая въ тишинѣ
О вѣчности... Порой извнѣ
Сопѣнье доносилось съ храпомъ:
То спалъ швейцаръ наединѣ.

А въ эти же часы, покуда
Не проходила здѣсь причуда
Лежать безъ сна, вдали отсюда
Такой же раздавался стонъ,
Причиной той же возбужденъ:
То сторожихи дочь, рискуя
Свою мамашу разбудить,
Не уставала ныть, тоскуя,
И на подушку слезы лить.

VI.

Чуть свѣтъ забрежжилъ черезъ шторы,
Андрей съ постели соскочилъ
И поспѣшилъ къ отцу, который
Сномъ праведника опочилъ,
И тутъ, прильнувъ къ подушкамъ отчимъ
Болѣзненно-пылавшимъ лбомъ,
Сталъ увѣрять онъ, между прочимъ,
Что хочетъ сдѣлаться попомъ,
Что чувствуетъ велѣнье долга:
Идти въ духовные... Отецъ
Не могъ съ просонокъ очень долго
Въ его рѣчахъ добиться толка...
Крестя свой ротъ, онъ, наконецъ,
Съ зѣвотою неотразимой,
Промолвилъ: «Богъ тебя прости!»
Затѣмъ прибавилъ, что «пути
Господни неисповѣдимы»,
И перелегъ на правый бокъ,
Свернувшися въ большой клубокъ.
О, умъ швейцара былъ глубокъ
И проявлялся очень кстати.

Не такъ далеко отъ кровати,
Въ загромožденномъ томъ углу,
Гдѣ всякое висѣло платье,—
Чернѣло древнее Распятье,
Окутанное въ пыль и мглу.
Тутъ на колѣни преклониться
Андрей рѣшился, чтобъ молиться...
Вѣрнѣе — только притвориться:
Увы, въ его больныхъ очахъ
Мелькала Сара, вся въ лучахъ,
Въ кокетливомъ своемъ корсажѣ
И вовсе безъ корсажа даже:
Прекрасный, тонкій силуэтъ,
Собой затмившій цѣлый свѣтъ.

Случилось такъ, что бѣсъ лукавый,
Всегдашній негодяй-шутникъ,
Успѣлъ въ удобный этотъ мигъ
Андрею, въ мозгъ его нездравый,
Духъ скептицизма заронить:
И вотъ, тутъ потянулась нить
Различныхъ мыслей, мало цѣнныхъ,
О свойствѣ новыхъ книгъ священныхъ...
А ужь давнымъ давно была
Извѣстна истина, что каждый,
Кому пришлось вкусить однажды
Плодъ дерева добра и зла,
Ужь утолить не можетъ жажды
И совращается, себя
Для жизни будущей губя.
Вотъ почему утратилъ мѣру
Довольно скоро нашъ бѣднякъ,
Себя увѣривъ кое-какъ,
Что это сущій вѣдь пустякъ —
Какую исповѣдать вѣру!
А разъ онъ сталъ блуждать во тьмѣ
Безъ истинной надежной мѣрки,
Не мудрено, что все въ умѣ
Онъ перепуталъ безъ провѣрки;
Не мудрено, что онъ прибѣгъ
Къ предосудительному средству:
Пошелъ къ раввину... Весь свой вѣкъ
Жилъ этотъ ра́ввинъ по сосѣдству
И за ученаго съ умомъ
Въ кварталѣ славился своемъ.

Андрей пошелъ... Но на площадкѣ,
У самой церкви Сенъ-Луи,
Затрясся весь, какъ въ лихорадкѣ,
И выпучилъ глаза свои:
Яснѣе дня, воздушнѣй тѣни
И граціознѣй горныхъ козъ,
Въ вѣнцѣ изъ собственныхъ двухъ косъ
Всходила Сара на ступени
Святого храма... «О, Христосъ!»
Андрей въ смущеньи произнесъ.
«Тутъ Сара!.. иль я слѣпъ и косъ?»
Но выйдя изъ оцѣпенѣнья,
Въ томъ смыслѣ онъ рѣшилъ вопросъ,
Что все — игра воображенья,
Которому любовь виной,
Причемъ сказалъ не безъ улыбки:
«И вѣдь бываютъ же со мной
«Такія грубыя ошибки!»
И вновь, прикрывъ глаза рукой,
Туда поплелся онъ съ тоской,
Гдѣ раввинъ-жидъ вкушалъ покой.

VII.

Прошло не болѣе недѣли
Съ тѣхъ поръ, какъ бѣдный мальчикъ нашъ
Направился такъ прямо къ цѣли,—
И вотъ послушный карандашъ
Чертилъ уже записку къ Сарѣ:
«Немедля будьте на бульварѣ»
И вмѣсто подписи: «Другъ вашъ».

«Какъ въ этомъ мы сошлись, случайно!»
Надѣвъ платочекъ съ бахромой,
Сказала Сара.—«Мнѣ самой
«Андрюша нуженъ чрезвычайно!»
И дѣвушка пошла, спѣша
Съ Андреемъ подѣлиться тайной
И нѣгой страстною дыша.
Тотъ день, вниманія достойный,
Былъ чудный день, — не очень знойный,
Но ясный, тихій. Городъ весь,
На всѣхъ концахъ, и тамъ, и здѣсь,
Пестрѣлъ толпою безпокойной.
И видитъ Сара: съ головой
Подъятой гордо, съ яснымъ взглядомъ,
Волною облитъ свѣтовой,
Идетъ Андрей по мостовой.
Два, три прыжка — и Сара рядомъ.
Еще мгновеніе — и вотъ
Она кидается на плечи
И онъ ее въ объятьяхъ жметъ...
Нѣтъ словъ — однѣ нѣмыя рѣчи!

Но укротить восторги встрѣчи
Они спѣшили съ цѣлью той,
Чтобы въ толпѣ, гулявшей праздно,
Собой не возбудить соблазна.
И на скамеечкѣ простой
Они, за уличной чертой,
Усѣлись нѣжною четой.
Недѣлю вѣдь они молчали,
Полны тревоги и печали,—
Не мудрено, что въ этотъ мигъ
У нихъ сталъ путаться языкъ.
Исчезла всякая толковость.
«Повѣришь-ли!» — Послушай новость! —
«Ты знаешь, что случилось вдругъ?»
— Ахъ, дай же разсказать, мой другъ! —
«Не прослезись!» — Ты захохочешь! —
— «Ты хочешь слушать иль не хочешь?»
«Нѣтъ, прежде выслушай меня».
— Я крещена уже три дня! —
«Вѣдь черезъ день меня обрѣжутъ!»

О, Боже! гдѣ найти мнѣ словъ,
Чтобъ описать зубовный скрежетъ,
Испугъ, трясеніе головъ,
Паденье отъ изнеможенья
И обморокъ отъ раздраженья!
Здѣсь не хватаетъ выраженья.
Какъ будто кто-нибудь ядро
Имъ кинулъ каждому въ нутро...
Когда пришли въ порядокъ нервы,
Андрей сталъ объясняться первый.
Среди бесѣды въ пять минутъ,
Припомнили бѣдняжки тутъ
Въ подробности прискорбный случай:
Какъ умудрились въ эти дни

Другъ друга убѣдить они,
Своею проповѣдью жгучей,
Святую вѣру искони
Перемѣнить для вѣры лучшей.
Особенно Андрей былъ золъ,
Узнавши эпизодъ зазорный:
Когда онъ — помните-ли? — шелъ
Къ жиду по площади соборной,
То передъ нимъ не Сары тѣнь
Мелькнула, — а она сама вѣдь
Рѣшилась твердо въ этотъ день
Свою религію оставить
И шла, воздушна и легка,
Искать себѣ духовника.

На что теперь бѣдняжки смѣли
Надѣяться? Куда идти?
И гдѣ они могли найти
Исходъ изъ этой канители?
Конечно, если бы хотѣли,
То, съ перемѣною ролей
И доказательствъ, и цѣлей,
Они могли бы понемногу
Въ экстазъ религіозный впасть
И вновь натолковаться всласть.
Но богословье, слава Богу,
Любовникамъ несчастнымъ двумъ
Теперь не приходило въ умъ.
Мрачны и молчаливы, оба,
Какъ будто выходцы изъ гроба,
Они все двигались впередъ
Туда, куда и весь народъ.

Вдругъ, съ выраженіемъ блаженнымъ,
На разстояніи саженномъ
Сталъ передъ Сарою Андрей
И ринулся, безумный словно,
На грудь красавицы своей
И сталъ нашептывать онъ ей,
И задушевно, и любовно:
«О, если такъ любовь сильна,
«Какъ моря бурнаго волна,
«И ежели въ сердцахъ она,
«Всѣ чувства изломавъ и скомкавъ,
«Свой тронъ возводитъ изъ обломковъ,
«И если никакихъ идей
«Сознанье не спасетъ людей
«Изъ очарованнаго круга,
«И если любимъ мы другъ друга
«И если намъ въ любви удѣлъ,—
«Зачѣмъ же ставить ей предѣлъ?
«Пускай испита будетъ чаша
«Любовныхъ сладостныхъ утѣхъ,—
«И если грѣхъ рѣшимость наша,
«То, право, не великій грѣхъ!
«О, милая! Бѣжимъ на волю
«По зеленѣющему полю —
«И богословій всякихъ мы
«Остережемся, какъ чумы.

«Природа радостна, лѣсъ зеленъ,
«Путь передъ нами безпредѣленъ...
«Бѣжимъ впередъ куда-нибудь,
«Гдѣ сладко, вольно дышетъ грудь,
«Гдѣ можно въ счастье окунуться!..»
— Да, милый! Только не забудь:
Намъ нужно къ вечеру вернуться.

Изъ моихъ воспоминаній.

Фридриха Шпильгагена.

(*Продолженіе.*)

Уничтожающимъ и постыднымъ результатомъ, къ которому я честно и искренно отнесся,— какъ старался относиться ко всему и всѣмъ,— явилось сознаніе, что я ошибался, считая себя поэтомъ; смутное непріятное ощущеніе недостатка дарованія, возникавшее во мнѣ и раньше, достигло поражающей ясности, когда мнѣ пришлось сравнить свой талантъ съ геніемъ истиннаго поэта: мнѣ оставалось только вывести практическое заключеніе, т. е. разъ навсегда отказаться отъ самостоятельнаго творчества, и стараться вознаградить себя изученіемъ чужихъ твореній.

Вотъ какимъ казалось омраченному уму юноши его положеніе; но каково оно было въ дѣйствительности?

Мнѣ кажется, дѣло представлялось слѣдующимъ образомъ. Поэтическое дарованіе, присущее мнѣ, не было исчерпано мною навсегда, какъ я думалъ въ то время, напротивъ, я ни разу еще не испыталъ его настоящимъ образомъ. Неумѣлыя попытки были сдѣланы мною въ направленіи, діаметрально противоположномъ моему таланту. Талантъ этотъ основывался прежде всего на вѣрномъ изученіи и наблюденіи дѣйствительности, къ которому у меня была положительная способность. Ясность образовъ, воспринятыхъ мною и сохранившихся до сихъ поръ съ тою же точностью и рѣзкостью въ моей душѣ, могутъ служить лучшимъ доказательствомъ этой способности. Я безъ преувеличенія имѣю право сказать, что могу перелистывать свои воспоминанія о той порѣ, какъ книгу, каждая страница которой покрыта образами и картинами. И хотя съ тѣхъ поръ прошла цѣлая жизнь—ни одна линія не стерлась, ни одна краска не потемнѣла, обиліе воспринятыхъ деталей такъ велико, что и теперь, принимаясь за произведенія, относящіяся къ той эпохѣ, я съ трудомъ могу защититься отъ ихъ наплыва и выбрать изъ нихъ только самые типичные; но несмотря на всю мою предусмотрительность и осторожность, мнѣ это не всегда удается. Моя наблюдательность не ограничивалась однимъ изученіемъ внѣшности: физіономіи, походки, жестовъ, способа выраженія, формъ, линій и красокъ ландшафта. Безсознательно схватывая внѣшнія характеристическія черты, вѣрный точный взглядъ юноши улавливалъ и внутренній смыслъ явленій. Мнѣ приходится теперь трудиться надъ художественною отдѣлкою моихъ моделей, но я не нахожу въ нихъ сторонъ, которыя остались бы неразъясненными въ то время и которыя я желалъ бы освѣтить при помощи теперешняго опыта, и большаго знанія. Мнѣ кажется, что именно эта фотографически-прозаическая точность впечатлѣній мѣшала художественному воспроизведенію ихъ. Я могъ только передать ихъ, такъ какъ они были восприняты мною; но подобному искушенію поддаются только люди, обреченные природою быть копистами, никогда не возвышающіеся до творчества и искуства. Болѣе глубокія, предназначенныя къ творчеству, въ высшемъ значеніи этого слова, натуры, отворачиваются отъ подобныхъ попытокъ, не допускаютъ даже возможности ихъ; они ожидаютъ съ инстинктивнымъ терпѣніемъ, пока объекты ихъ наблюденій не отойдутъ отъ нихъ на нѣкоторое отдаленіе и не возникнетъ таинственная связь, обусловливающая ихъ художественную передачу.

Примѣромъ можетъ служить невѣроятно долгое время, понадобившееся Фрицу Рейтеру, чтобы сознать свой выдающійся талантъ.

Между мною и Фрицемъ Рейтеромъ, несмотря на все различіе нашихъ дарованій, существуетъ то сходство, что мы оба въ молодости, о которой только и идетъ теперь рѣчь, направляли нашъ талантъ на объекты, представлявшіе всего болѣе затрудненій для поэтическаго воспроизведенія ихъ. Когда дойдетъ дѣло до моихъ «Загадочныхъ Натуръ» я вернусь еще къ этому вопросу и подробнѣе разберу его, теперь же ограничусь однимъ указаніемъ, чтобы не прерывать хода моего разсказа. Здѣсь будетъ, впрочемъ, вполнѣ умѣстнымъ замѣчаніе, что Фрицъ Рейтеръ, при его юмористическомъ направленіи, въ большей противъ меня степени владѣлъ способностью обработывать сырой матеріялъ, но несмотря на это, принялся за дѣло съ нерѣшительностью, ясно доказывавшею громадную трудность предстоявшей ему задачи. По крайней мѣрѣ, я усматриваю это въ томъ обстоятельствѣ, что онъ въ своихъ первыхъ произведеніяхъ, «Läuschen und Rimmels», «De Reis, nah Belligen» и «Hanne Nüte» употребляетъ метрическую форму, стараясь побѣдить этимъ способомъ прозаическую угловатость своихъ объектовъ, пока, чувствуя себя все сильнѣе и сильнѣе, въ своихъ послѣднихъ сочиненіяхъ «Ut de Franzosentid» «Ut mine Festungstid» «Ut mine Stromtid» не отбросилъ этого ненужнаго средства и не обратился къ единственному подходящему: прозаической формѣ.

Къ подобнымъ уловкамъ принужденъ постоянно прибѣгать писатель-реалистъ, ставшій лицомъ къ лицу къ задачѣ, съ которою онъ еще не въ состояніи справиться, а въ тоже время не имѣющій силы противостоять стремленію къ творчеству. Здѣсь повторяется таже исторія, что съ самымъ реальнымъ изъ всѣхъ искуствъ, драматическимъ, которое сначало не рѣшалось дѣйствовать безъ маски и только постепенно сознало увлекательную и порабощающую силу мимической игры.

Мои повѣсти, дѣйствіе которыхъ происходило въ Италіи въ концѣ прошлаго столѣтія—или Богъ вѣсть когда и гдѣ—были подобнымъ же маскарадомъ, ложность котораго не надолго бы скрылась отъ меня, если бы другъ мой и не ударилъ меня обухомъ. Но дѣло было сдѣлано, мишура сдернута, и я выбросилъ ее навсегда изъ своей мастерской.

Мнѣ было бы очень тяжело и грустно, если бы другъ мой не внесъ жизнь и радость въ «опустѣлые чертоги». Я уже упоминалъ, съ какимъ участіемъ я слѣдилъ за созданіями этого неутомимаго духа, какъ ни мало симпатичны бывали для меня иногда его образы, какъ ни непонятны длинныя рѣчи, въ которыхъ его герои изливали свои высокопарныя чувства; я говорилъ уже, въ какой странной формѣ я впервые созналъ различіе между драматической и эпической поэзіей. Можно легко представить себѣ, что я вскорѣ попытался передать игру тѣней на стѣнѣ, замѣнить образный языкъ словами; и какъ ни были неумѣлы и робки эти попытки, все же онѣ были первыми шагами на поприщѣ, которое я всегда считалъ главною задачею моего существованія и въ которомъ находилъ неисчерпаемый источникъ наслажденія. Да, наслажденіе и въ то время выпало мнѣ на долю. Наткнувшись на затрудненія въ моемъ поэтическомъ творчествѣ, униженный въ своей юной авторской гордости, я съ наслажденіемъ ощущалъ въ душѣ моей зарожденіе новой силы, о которой я до тѣхъ поръ и не подозрѣвалъ и, въ чемъ я тайно сознавался себѣ, которою рѣшительно превосходилъ моего геніальнаго друга. Отъ меня не ускользнуло, что я былъ настоящимъ путеводителемъ въ нашихъ эстетическихъ странствіяхъ, гдѣ неопытные странники легко могли потерять подъ собою почву; что я былъ увереннѣе, зорче; что я болѣе могу полагаться на свое чувство прекраснаго, истиннаго чѣмъ другъ мой, который, изъ-за своей мечтательности, слишкомъ часто упускалъ изъ виду то, что было у него передъ глазами, причемъ воспроизводимые имъ образы являлись у него исковерканными, какъ въ вогнутомъ зеркалѣ.

Было еще обстоятельство, доставлявшее мнѣ въ нашихъ спорахъ превосходство надъ моимъ другомъ. Я владѣлъ гораздо болѣе богатымъ матеріяломъ. Я не только былъ начитаннѣе его, но и прочитанное удерживалъ лучше его, такъ какъ моя гибкая память сохраняла безчисленное множество поэтическихъ образовъ и выраженій. Часто случалось, что за цитатою отъ «Фауста» Гёте, «Натана» Лессинга, Гейне, Фрейлиграта,

слѣдовала длинная декламація, которой другъ мой внималъ съ чистосердечнымъ удивленіемъ. Тогда на крыльяхъ истинной поэзіи мы подымались съ нимъ въ высь и парили въ ней, подобно двумъ молодымъ соколамъ, испытывающимъ свои силы. Я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ умиленія объ этихъ часахъ, и если цвѣты фантазіи, которыми мы упивались, завяли навсегда, въ душѣ моей остался слѣдъ ихъ благоуханія, и хотя я не въ силахъ вызвать теперь ни одной изъ тѣхъ пестрыхъ, блестящихъ грезъ, которыя носились въ нашихъ юныхъ, горячихъ умахъ, я знаю одно: вѣрныя очертанія, пластическая полнота моихъ созданій—плодъ неустаннаго труда и заслуга взрослаго человѣка, но теплымъ колоритомъ картинъ мужъ обязанъ юношѣ.

Счастіе этихъ часовъ, быть можетъ, уступало только блаженству, наполнявшему мою грудь, когда я одинъ разъѣзжалъ по морю, или пѣшкомъ, а чаще верхомъ, бродилъ по окрестностямъ. Какъ ни велико для меня значеніе моего друга и какъ ни обязанъ я ему, но духъ, который сходилъ ко мнѣ, одинокому спутнику, имѣлъ для меня большее значеніе; ему обязанъ я всѣми лучшими, своими созданіями,—въ чемъ и сознаюсь съ благоговѣйнымъ трепетомъ,—своими силами; тѣмъ, что я сталъ, я обязанъ великому духу, чей голосъ страшенъ книжнику—Фаусту, но милостиво звучитъ въ лѣсу и пещерахъ, въ шелестѣ деревьевъ, говорѣ струй, въ раскатахъ грома, открывая тайны, вѣчно сокрытыя, тому, кто стремится къ познанію его всѣми силами своего существа. И, какъ вѣрующій надѣется умилостивить Бога силою своей молитвы, такъ и я надѣялся, что духъ природы заговоритъ со мною и отвѣтитъ на мои смѣлые вопросы.

Однажды я, верхомъ возвращался домой изъ сосѣдняго помѣстья. Молодое, веселое общество, подобное изображенному мною въ первой части «Platt Land» (въ немъ принимала участіе и «Мэджи»), задержало меня долѣе, чѣмъ слѣдовало. Во время пути меня застали сумерки, перешедшіе въ темнѣйшую ночь. Сначала я съ трудомъ могъ различать ближайшіе предметы, но вскорѣ и это стало невозможнымъ. Не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы править лошадью; я долженъ былъ предоставить ей самой найти дорогу. Вѣрное животное вполнѣ сознавало лежащую на немъ отвѣтственность. Осторожно ощупывая копытомъ, лошадь моя обходила глубокія лужи, оставшіяся послѣ дождя на глинистой почвѣ; почувствовавъ наконецъ вѣрную дорогу, она сама пускалась осторожною рысью. Я могъ спокойно отдаться моимъ мыслямъ. Онѣ то возвращались къ обществу, которое я такъ неохотно оставилъ и гдѣ такъ желали удержать меня, то забѣгали впередъ, домой, ко мнѣ въ комнату, гдѣ меня ожидала, едва начатая, объемистая работа, которую необходимо было кончить къ слѣдующему утру; то переходили въ неясныя мечты, а окружавшая меня темнота, казалось способствовала моимъ фантазіямъ; знойный, влажный отъ дождя, воздухъ давилъ меня; будущее казалось мнѣ такимъ же мрачнымъ, беззвѣзднымъ, какъ и эта ночь.

Я старался ободриться и сбросить тоску. «Твое будущее сокрыто въ тебѣ, судьба—это ты самъ, воскликнулъ я,—и твоей волѣ должны подчиняться сами звѣзды!» Въ ту минуту, когда я выговорилъ эти безумныя, дерзкія слова, передъ моими глазами, изъ черныхъ тучъ, просіяла звѣзда, дѣлавшаяся все больше и больше, свѣтлѣе и свѣтлѣе, наконецъ, она стала такою большой и яркой, что деревья по бокамъ дороги стали отчетливо видны, а лошадь въ испугѣ остановилась съ громкимъ фырканьемъ. Затѣмъ, также неожиданно, какъ появилась, звѣзда угасла и прежняя непроницаемая тьма охватила меня.

Я такъ былъ удивленъ, даже испуганъ неожиданнымъ совпаденіемъ моихъ словъ съ этимъ явленіемъ, что мнѣ понадобилось нѣсколько времени, чтобы собраться съ мыслями и объяснить себѣ это чудо. Я, безъ всякаго сомнѣнія, видѣлъ метеоръ, который съ непостижимою быстротою пронесся прямо на меня, что доказывалось его невѣроятно быстрымъ увеличеніемъ и неизмѣнностью положенія. Несмотря на простоту объясненія, я не могъ удержаться отъ суевѣрнаго трепета, тѣмъ болѣе, что предвѣщанія судьбы, которую я вызвалъ, будущее, въ тайны котораго я хотѣлъ проникнуть, не показались мнѣ благопріятными. Падучая звѣзда, безслѣдно исчезающая, на минуту блеснувъ своимъ обманчивымъ свѣтомъ,—образъ этотъ не могъ наполнить восторгомъ моего сердца и мнѣ оставалось въ утѣшеніе, за невозможностью истолковать въ свою пользу это явленіе, вспомнить, что я только что намѣревался не ждать и не желать никакихъ милостей отъ судьбы, а потому не имѣю основанія и причины бояться ея невзгодъ.

Я, разумѣется, не разсказалъ моему другу объ этомъ маленькомъ событіи; онъ только лишній разъ выбранилъ-бы меня за «страсть таскаться по большимъ дорогамъ», изъ-за которой я все болѣе и болѣе обращаюсь въ бродягу, и непремѣнно ознаменую начало своей блестящей карьеры тѣмъ, что провалюсь на экзаменѣ. Насмѣшки моего друга не были лишены всякаго повода. Какъ въ прошлую зиму я предавался удовольствіямъ, доставляемымъ городскимъ обществомъ, такъ въ это послѣднее лѣто, которое оставалось провести мнѣ въ родительскомъ домѣ, меня съ неудержимою силою влекла къ себѣ природа. Побуждала-ли меня тревога, бушевавшая въ моемъ сердцѣ или предчувствіе, что я надолго буду лишенъ этого счастія, но я не пропускалъ ни одного случая провести время съ деревенскими друзьями, побыть въ полѣ, въ лѣсу, подъ открытымъ небомъ. Во время пасхи и лѣтнихъ каникулъ я ни одного дня не оставался въ городѣ, пользовался субботними вечерами и воскресеньями, и часто раннее утро понедѣльника заставало меня при свѣтѣ только что вошедшаго солнца, въ утреннемъ туманѣ, на дорогѣ въ городъ, къ школьнымъ занятіямъ. Теперь я радуюсь каждому часу, каждой минутѣ, проведеннымъ въ этомъ сладкомъ ничего-недѣланіи и странствіяхъ—безъ нихъ въ моемъ портфелѣ не хватало бы нѣкоторыхъ эскизовъ; краски на моей палитрѣ были бы блѣднѣе, но въ то время я не могъ оправдываться такими объясненіями и принималъ насмѣшки и упреки друга, хотя и съ раскаяніемъ, но безъ желаемаго исправленія. Я дѣйствительно не понимаю, какъ при такой страшной потерѣ времени я справился бы даже съ тѣми незначительными школьными требованіями, которыя предъявляли намъ, если бы не проводилъ ночей за работой, посвящая сну очень немного часовъ.

Благодаря этимъ почнымъ занятіямъ, я могъ ожидать экзамена съ увѣренностью въ успѣхѣ, которая вполнѣ оправдалась. Мы оба выдержали хорошо испытаніе и увѣряли другъ друга, что выдержали бы блистательно, если бы имѣли лишнихъ 4 недѣли на подготовку.

Я отправился домой, желая сообщить радостную вѣсть, и поспѣшилъ вернуться къ другу, котораго засталъ за приготовленіями къ предстоящему на другой день отъѣзду. Онъ выпросилъ себѣ отпускъ на послѣдніе дни пребыванія въ школѣ. Я помогалъ ему укладывать его небогатые пожитки; мы старались шутить при этомъ, но шутка не удавалась. Разлука не могла особенно печалить насъ: мы должны были встрѣтиться въ Берлинѣ и при томъ въ одной аудиторіи: въ послѣднюю минуту я рѣшилъ изучать медицину, которую давно выбралъ Адальбертъ. Несмотря на это, предстоящее разставанье томило насъ. Не было-ли это предчувствіемъ, что никогда не вернутся сладкіе часы, проведенные нами въ этой комнаткѣ, что навсегда миновала весенняя пора нашей дружбы? что подъ зноемъ дѣйствительности завянутъ и погибнутъ фантастическія деревья, подъ которыми мы разыгрывали Пука и Оберона? что съ этихъ поръ жизнь станетъ для насъ тѣмъ, чѣмъ всегда бываетъ для людей стремящихся къ идеалу: упорнымъ трудомъ и заботой—заботой и трудомъ въ особенности для него, добраго, благороднаго, пылкаго,—трудомъ неблагодарнымъ, такъ какъ жизнь никогда не давала ему того, къ чему стремилось его горячее сердце? Я не знаю этого, знаю только, что мы становились все односложнѣе и наконецъ разстались, сказавъ коротко: «прощай».

Выйдя изъ дому, я обернулся и увидѣлъ, что Адальбертъ стоитъ у открытаго окна. Онъ зажегъ лампу, его высокая фигура рисовалась темнымъ пятномъ на свѣтломъ фонѣ. Я еще разъ махнулъ рукою, онъ повторилъ это движеніе, быстро отвернулся и отошелъ отъ окна. «Мы какъ будто разстались въ ссорѣ», подумалъ я, проходя по темнѣвшей улицѣ.

Много лѣтъ спустя, навѣстивъ случайно этотъ городъ, гдѣ прошла моя юность, я снова шелъ по этой улицѣ. Въ комнаткѣ Адальберта поселился торговецъ музыкальными инструментами, все окно, сверху до низу, было увѣшано флейтами, дудками и кларнетами. Я невольно разсмѣялся, но тотчасъ же на глаза у меня навернулись слезы. Я вспомнилъ объ умолкшихъ, полныхъ нѣкогда пѣсень, устахъ, объ арфѣ, по золотымъ струнамъ которой мелодически пробѣгаетъ вѣтеръ, и въ гнѣвѣ за то, что онѣ издаютъ только жалобные звуки, становится вихремъ и безжалостно рветъ ихъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Патеръ Грегоръ.

Психологическій очеркъ. Е. Вербера.

(*Окончаніе.*)

«Монахъ! прозвучало въ душѣ моей, блаженъ ты или нечестивъ? Эта Марія еще могущественнѣе, нежели та. Что ты будешь дѣлать, когда она уйдетъ? Сложишь-ли ты руки для молитвы, или будешь ногтями терзать себѣ грудь? О, патеръ Грегоръ! если бы ты зналъ, что со мной! Долженъ-ли я пойти къ тебѣ и просить, чтобы ты прислалъ другого монаха на мое мѣсто, потому что здѣсь есть Марія, отъ которой я пропадаю? Или я долженъ остаться и выпить сладкую отраву до дна?»

Часу въ девятомъ утра пришелъ патеръ Томасъ, чтобы помогать мнѣ въ уходѣ за больными, такъ какъ наканунѣ докторъ объявилъ, что не можетъ оставаться здѣсь дольше полудня. Послали за другимъ врачемъ въ ближайшее мѣстечко и, подъ его руководствомъ, патеръ Томасъ и я остались братьями милосердія при больныхъ. Въ первые дни, во избѣжаніе искушенія, я предоставилъ патеру уходъ за отцомъ Маріи; изрѣдка я встрѣчалъ ее на лѣстницѣ и каждый разъ, опустивъ глаза, она говорила мнѣ:

— Здравствуйте, патеръ Іозіасъ.

На шестой день ея отцу стало немного лучше и онъ потребовалъ меня.

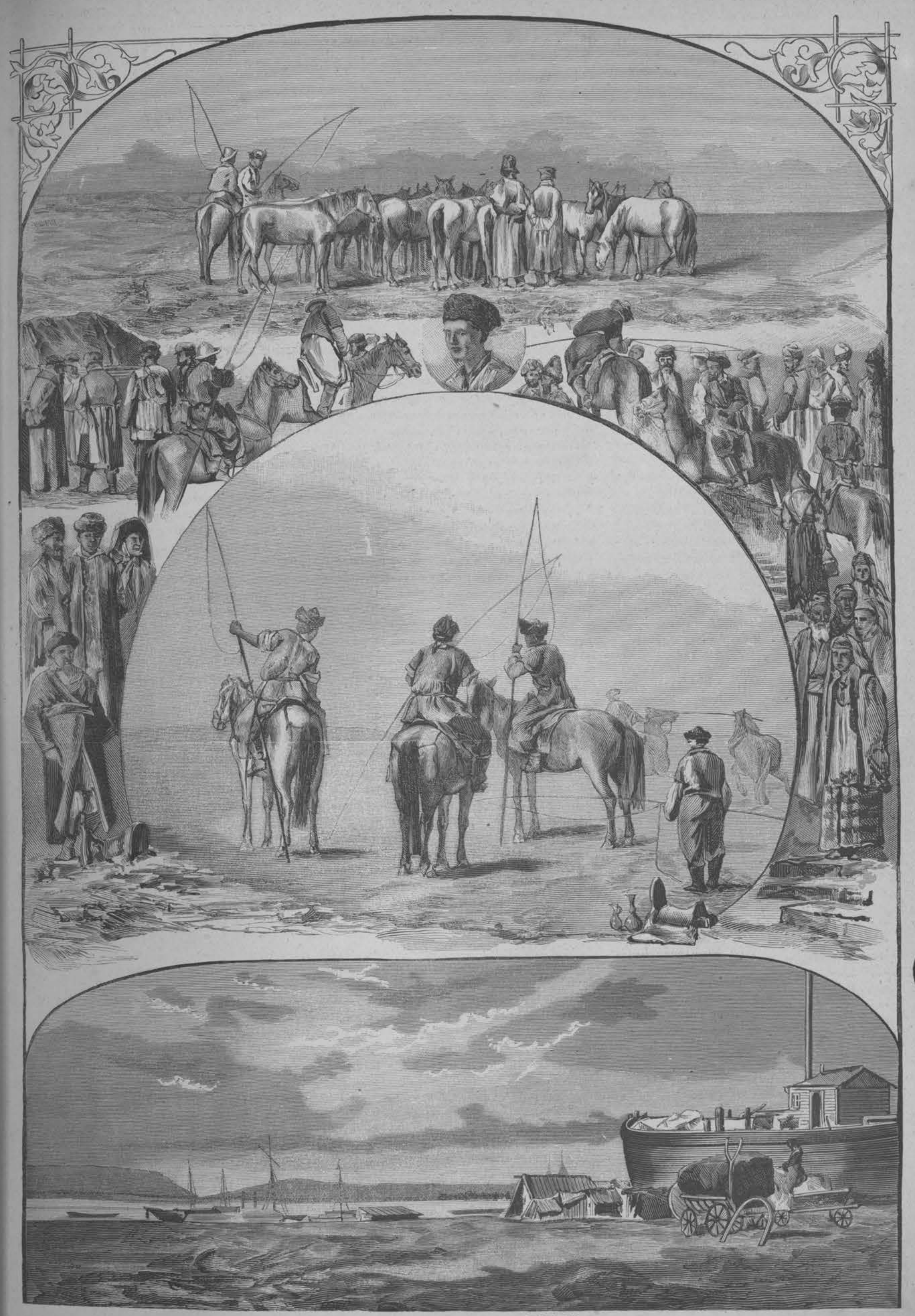
— Отчего вы не захотѣли остаться при мнѣ, патеръ Іозіасъ?

Я покраснѣлъ.

— Я крѣпче патера Томаса и потому принялъ на себя уходъ за тремя ранеными, ему же предоставилъ ходить за вами, такъ какъ эта обязанность гораздо легче.

Пока я говорилъ, Марія вошла въ комнату и прислонилась къ окну; отецъ подозвалъ ее.

— Марія, сказалъ онъ,—этотъ патеръ сдѣлалъ мнѣ много добра, болѣе, нежели я могу выразить. Сохрани въ своемъ сердцѣ память о немъ и благословляй его!

Самарская ярмарка, рисовалъ **Н. Т. Малышевъ.**

Она подняла темный взоръ свой, полный тревоги и горести, и тихо, тихо прошептала:

— Патеръ Іозіасъ, я всегда буду думать о васъ въ сердцѣ своемъ и благословлять васъ.

И она, будто желая не только слышать, но и видѣть мой отвѣтъ, даже переставъ говорить, все еще смотрѣла на меня. Я не знаю, что я отвѣчалъ ей, но знаю, что личина монаха вдругъ спала съ меня и Марія прочла въ лицѣ моемъ всю скорбь, а можетъ быть, и любовь человѣка

— Благодарю васъ, патеръ Іозіасъ, сказала она и удалилась въ свою компату.

Съ этого дня я раздѣлялъ съ патеромъ Томасомъ попеченія о ея отцѣ, здоровье котораго поправлялось. Когда Марія входила въ комнату, я бралъ молитвенникъ и читалъ его; я читалъ буквы... но безъ смысла. Небо, о которомъ говорилось въ книгѣ, расплывалось, меркло и исчезало передъ лицомъ и голосомъ Маріи.

Марія знала теперь, куда клонилось мое обожаніе, когда я опускалъ глаза въ книту; я чувствовалъ волну, идущую отъ ея сердца къ моему, и я все глубже и глубже погружался въ нее. Докторъ объявилъ, что ея отецъ будетъ страдать впродолженіе всей жизни; услыхавъ эти слова, больной дико рванулся съ постели и воскликнулъ:

— Какъ! страдать всю жизнь, развѣ я недовольно страдалъ цѣлыхъ шестнадцать дней? Затѣмъ онъ немного успокоился и тихо прибавилъ: я долженъ покориться. Человѣкъ умеръ во мнѣ, какъ въ монахѣ.

Отецъ Маріи не былъ симпатиченъ: сѣрые глаза его были постоянно полузакрыты и никогда не смотрѣли прямо въ лицо говорящаго, на устахъ лежала какая-то холодная, жесткая черта и чело выражало хитрость. Послѣ третьей недѣли врачъ объявилъ, что отецъ Маріи можетъ продолжать путешествіе. Я задрожалъ, услыхавъ эту вѣсть.

На слѣдующій день Марія подошла ко мнѣ:

— Патеръ Іозіасъ, завтра я прощусь съ вами.

Я съ усиліемъ сдержалъ крикъ и крѣпко стиснулъ губы.

— Патеръ Іозіасъ, сказала она, — знаете-ли, что сердце мое обливается кровью?

Я закрылъ глаза и простоналъ:

— Марія! забудьте меня.

— Никогда.

Услыхавъ шорохъ ея платья, я открылъ глаза, —ея уже не было. Немного позже, отецъ ея подозвалъ меня:

— Сядьте около меня, сказалъ онъ, —я имѣю къ вамъ просьбу.

Онъ вытащилъ изъ-за пазухи толстое, запечатанное письмо и положилъ передъ собой на столъ.

— Какъ зовутъ патера, который въ ту ужасную ночь предсталъ предо мной, какъ привидѣніе?

— Его зовутъ патеръ Грегоръ.

Онъ кивнулъ головой и написалъ на письмѣ: «Его высокопреподобію, патеру Грегору».

— Будьте такъ добры, возьмите это письмо и лично передайте мнѣ отвѣтъ, который на него получите.

Противорѣчащія ощущенія зашевелились въ душѣ моей, когда я увидалъ монастырь, прислоненный къ темной скалѣ; съ трудомъ, какъ больной, взобрался я по крутому склону и сердце точно оторвалось, когда я дернулъ за колокольчикъ. Пріоръ читалъ въ своей кельи.

— А, патеръ Іозіасъ! воскликнулъ онъ и посмотрѣлъ на меня долгимъ благосклоннымъ взглядомъ. — Ты исполнилъ прекрасный долгъ, тамъ, внизу, въ долинѣ, и въ душѣ своей вѣрно носишь теперь это сознаніе.

Я молчалъ и онъ вновь заговорилъ:

— Всѣ-ли пострадавшіе выздоровѣли?

— Нѣтъ еще; тѣ двое, у которыхъ ноги и руки переломаны, еще въ постелѣ, тотъ, у котораго рана на головѣ, уѣхалъ уже нѣсколько дней тому назадъ, а господинъ, получившій внутреннее поврежденіе, уѣзжаетъ завтра.

— Ступай теперь и отдохни. Не хочетъ-ли патеръ Томасъ взять себѣ кого-нибудь въ помощь?

— Я буду ему помогать; я сегодня же вечеромъ вернусь къ нему, сюда же я пришелъ лишь для того, чтобы передать вамъ письмо.

— Письмо? отъ кого?

— Отъ того человѣка, котораго я исповѣдывалъ, замѣняя васъ. Онъ ожидаетъ отвѣта.

Патеръ Грегоръ взялъ письмо изъ моихъ рукъ и положилъ на столъ, потомъ всталъ, зажегъ свѣчу, сжегъ письмо и бросилъ пепелъ за окно.

— Что же сказать мнѣ ему, испуганно спросилъ я.

— Разскажи ему, что видѣлъ, возразилъ онъ съ спокойнымъ величіемъ и отпустилъ меня царственнымъ движеніемъ руки.

— О, пріоръ, тихо сказалъ я себѣ, — хотѣлъ бы я быть такимъ капуциномъ, какъ ты, но не каждый рожденъ орломъ.

Возвратясь въ кабакъ, я вошелъ къ отцу Маріи, онъ тревожно посмотрѣлъ на меня и поспѣшно спросилъ:

— Патеръ, гдѣ отвѣтъ?

— Отвѣта нѣтъ.

— Нѣтъ письма?

Я покачалъ головой.

— Вы имѣете устный отвѣтъ?

— Нѣтъ и устнаго.

— Вы моего письма не отдали патеру?

— Отдалъ, но онъ сжегъ его, не прочитавъ.

Больной дрожащими руками схватилъ себя за волосы и воскликнулъ:

— Такъ нѣтъ въ тебѣ великодушія. О, монахъ, монахъ! ты не захотѣлъ вынуть скорпіоновъ изъ груди моей? Ты оставляешь во мнѣ укоры совѣсти и ненависть, потому что чѣмъ возвышеннѣе ты, тѣмъ сильнѣе мои мученія, и чѣмъ больше ты меня презираешь, тѣмъ глубже я тебя ненавижу; какъ болѣзнь ношу я въ себѣ эту ненависть, безсильную, безпомощную. И пока я живу, передъ моими внутренними очами всегда будетъ стоять монахъ, капуцинъ, моя жертва и мой судья.

Я стоялъ, потрясенный до мозга костей.

«Патеръ Грегоръ, подумалъ я, ты отомщенъ».

Марія вошла въ комнату и обняла отца.

— Что такъ мучаетъ тебя? спросила она.

— Марія, глухо отвѣтилъ онъ, — теперь у тебя больной отецъ, ему нужны попеченія и снисходительность. Я сталъ раздражителенъ—будь же ты тѣмъ болѣе кротка и терпѣлива! И... никогда не упоминай о той ночи, въ которую съ нами случилось несчастіе.

Марія поцѣловала отца въ лобъ; я же удалился съ болью въ груди и слезами на глазахъ. Бѣдная Марія! сладостная Марія! святая Марія!

На слѣдующее утро, у кабака остановилась карета. Патеръ Томасъ и я, положили въ нее отца Маріи, потомъ Марія взяла руку патера Томаса, поцѣловала ее и сказала: «да благословитъ васъ Богъ, патеръ Томасъ». Когда она подошла ко мнѣ, у меня задрожали колѣна. «Благослови васъ Богъ, патеръ Іозіасъ», сказала она, схватила мою руку и прижала ее къ губамъ съ силой, которая дается лишь сердечной боли; я не могъ задушить крика и повернулъ его на громкую молитву. И пока я творилъ молитву безъ мысли и сознанія, я жалъ ея руки и чѣмъ больнѣй я ихъ жалъ, тѣмъ слаще горѣли уста ея на моей рукѣ.

«Аминь», сказалъ патеръ Томасъ и я пересталъ говорить. Марія оторвала уста отъ моихъ дрожащихъ рукъ и еще разъ взглянула на меня; тогда она опустила вуаль на свое блѣдное лицо и сѣла въ карету. У меня потемнѣло въ глазахъ, я услыхалъ шумъ удаляющагося экипажа и, безъ мысли и шатаясь, вернулся въ домъ. Я больше не видалъ Маріи.

Прошло два мѣсяца, а вмѣстѣ съ ними и лѣто. Я жилъ, не живя, я молился безъ сознанія, я работалъ безъ охоты. Теперь уже часто въ ночное время падалъ снѣгъ въ районѣ монастыря и когда солнце всходило, вода въ изобиліи текла со скалистой стѣны, разрыхляла камни и они съ шумомъ катились внизъ, ихъ иногда подхватывалъ южный вѣтеръ и бросалъ въ долину. Иногда туманъ спускался по подножью горъ, онъ распространялся по долинѣ и я, изъ окна моей кельи, всматривался въ сѣрую, пустынную безпредѣльность—вдругъ выплывала изъ туманной пустыни фата-моргана; у нее были черныя, пламенныя, волшебныя очи и звали ее Маріей.

Однажды, передъ обѣдомъ, я принесъ патеру Грегору письменную работу.

— У тебя больной видъ, патеръ Іозіасъ, сказалъ онъ, — ты боленъ?

— Нѣтъ, я скорбенъ духомъ.

— Ты снова изучаешь живопись?

— Нѣтъ, любовь къ картинѣ у меня прошла.

— Ты гдѣ-нибудь увидалъ живую Марію, патеръ Іозіасъ?

— Да. Я до крови закусилъ себѣ губу, когда она сказала мнѣ: «завтра я прощусь съ вами». Потомъ она прибавила: «знаете-ли, патеръ Іозіасъ, что сердце мое обливается кровью».

— И эти слова были тебѣ сладки, патеръ Іозіасъ, мягко спросилъ онъ.

— Да, и я ихъ всегда себѣ повторяю, всегда, всегда!

Черезъ мгновеніе, онъ всталъ и, зарывая пальцы въ бородѣ, сталъ ходить взадъ и впередъ по кельѣ; наконецъ, онъ проговорилъ, проникая до дна души моей, своимъ глубокимъ, непостижимымъ взглядомъ:

— Рѣшился-ли ты на что-нибудь?

— Нѣтъ, скорбь моя поглотила все.

Онъ снова началъ ходить и потомъ сказалъ:

— Я думаю, тебѣ будетъ полезно въ слѣдующее воскресенье произнести проповѣдь внизу, въ городкѣ, —проповѣдь о разрушеніи Іерусалима. Это дастъ тебѣ толчекъ. Когда ты увидишь кровь, и дымъ, и пламя и рухнутъ стѣны и услышишь ты среди треска щитовъ клики: «Іегова!» — что-нибудь одно возьметъ верхъ въ душѣ твоей: монахъ или отступникъ. Тогда ты узнаешь, бѣжать ли тебѣ или оставаться.

— А если я бѣгу — проклянете вы меня?

— Мнѣ тебя проклинать, сынъ мой? Нѣтъ, нѣтъ! можетъ быть, я пожалѣю тебя!

— Патеръ Грегоръ, подкрѣпите меня пожатіемъ руки.

Онъ взялъ мою руку и трижды крѣпко пожалъ ее.

— Ступай теперь, патеръ Іозіасъ, кротко сказалъ онъ мнѣ, — и сдѣлай изъ своей проповѣди большую картину битвы на библейскомъ фонѣ.

Я ушелъ.

«Да, сказалъ я себѣ: во мнѣ долженъ горѣть Іерусалимъ и что возродится изъ пепла—послужитъ матеріаломъ для строенія моей жизни».

Стихіи способствовали мнѣ при моей работѣ: сначала вѣтеръ, вырывавшій трубы изъ крыши и елки съ корнемъ изъ земли, потомъ ужасные, проливные дожди; они образовали ручьи и ручьи эти стремились съ ревомъ поверхъ скалистой стѣны и увлекали за собою малые и большіе обломки скалъ. То была музыка, полная мрачной, дикой прелести. Въ ночь, съ пятницы на суботу, дождь пересталъ, но когда солнце, наконецъ, выглянуло, оно освѣтило картину ужаснаго разрушенія: глыбы земли, деревья, обломки скалъ лежали въ перемѣшку на днѣ долины и каменная стѣна, была будто скошена; ни елки, ни кустарники, ничто на ней не зеленѣло; скалы были обнажены и изъ ущелій и безднъ стремились воды;

съ обрывовъ ниспадали камни. Мнѣ казалось, будто одновременно съ шумомъ водъ и паденіемъ камней, я слышу еще какой-то звукъ, глухой, какъ бы отъ тренія, исходящій изъ нѣдра утеса. Я потомъ спрашивалъ отца Томаса, который за трапезой сидѣлъ рядомъ со мной, слышалъ-ли онъ этотъ особенный звукъ.

— Конечно, отвѣчалъ онъ,—этотъ шумъ всегда слышенъ послѣ паводка.

Когда я, затѣмъ, ушелъ къ себѣ, чтобы выучить наизусть свою проповѣдь, я вдругъ испугался, почувствовавъ сильное колебаніе почвы, и, отворивъ окно, услыхалъ тотъ же странный звукъ, но гораздо явственнѣе, отчетливѣе и ближе. Думая, что всѣ наши монахи должны были слышать его, я вышелъ на галерею, сошелъ по лѣстницѣ, но никого не встрѣтилъ. Тогда я прошелъ въ садъ и увидѣлъ патера Антона, подвязывающаго цвѣты и ставящаго подпорки къ растеніямъ.

— Не слыхалъ-ли ты страннаго звука и не почувствовалъ-ли сотрясенія? спросилъ я.

— Уже не думаешь-ли ты, патеръ, что воды пролагаютъ себѣ путь втихомолку и каменныя глыбы падаютъ легко, какъ снѣжинки? Ты еще не знаешь нашей горной цѣпи и ея дикаго говора. Будущимъ лѣтомъ все узнаешь.

Я вернулся въ келью, а черезъ два часа, идя на общую молитву, снова почувствовалъ сотрясеніе подъ своими ногами.

Въ часовнѣ нашей, стулья были расположены подковой и мѣсто патера Грегора приходилось по срединѣ. Онъ читалъ четвертую главу Іереміи и глубокій звукъ его голоса, проникнутъ былъ пламенемъ Іереміи. Когда онъ произнесъ слово: «я смотрю на горы и вижу: горы колеблятся и всѣ холмы дрожатъ», что-то треснуло надъ нашими головами, дверь порывисто отворилась и братъ-привратникъ ринулся въ молельню.

— Бѣгите, бѣгите, кричалъ онъ, — скала колеблется, она опустилась и приближается, бѣгите, спасайте свою жизнь. Господи Боже, защити насъ! Горе намъ! Умилосердись!

Монахи вскочили съ своихъ стульевъ и тѣснились въ дверяхъ. Патеръ Грегоръ остался на своемъ мѣстѣ; глаза его горѣли.

— Трусы! воскликнулъ онъ.—Неужели вы недостаточно еще жили? Бѣгите, если такъ. Я остаюсь.

— Патеръ Грегоръ, кричалъ я умоляющимъ голосомъ.—Патеръ Грегоръ! заклиналъ я его и, какъ помѣшанный, внѣ себя, кинулся вслѣдъ за бѣгущими, черезъ галерею, внизъ по тропинкѣ. Позади насъ гремѣло въ горахъ, камни обрывались и догоняли насъ въ бѣгствѣ. Въ смертельномъ ужасѣ звалъ я патера Грегора и жилы мои напрягались и готовы были лопнуть отъ боли.

— Налѣво! закричалъ одинъ изъ монаховъ и потащилъ меня за собой. Мы бѣжали, я не зналъ, куда.

— Господи, Іисусе Христе, помилуй насъ! Святая Марія молись за насъ! кричали монахи въ изступленіи.

Вдругъ что-то затрещало, казалось — земной шаръ раздвоился и сотни горъ обрушились другъ на друга. Земля подо мной задрожала; потрясенный воздухъ душилъ меня среди грохота обрушивающихся скалъ и вторящаго ему эха. Когда чувства мои вернулись и я пришелъ въ себя — тишина смерти окружала меня. Я поднялся и сталъ смотрѣть вверхъ — монастырь исчезъ. Великій мужъ былъ погребенъ подъ его развалинами.

При осадѣ Никшича.

(Ст. др-а **А. В. Щербакъ**.)

(Продолженіе.)

Глава IV.

Утромъ 17-го августа, мы уже были въ Горнемъ полѣ и перекрещивали его въ разныхъ направленіяхъ для выбора стоянки, пока не набрели на маленькую возвышенность съ крутымъ спускомъ къ рѣкѣ Зетѣ, возлѣ кулы Растовацъ. Разбросанныя кругомъ нея развалины, поросшія мохомъ, громадный крестъ, высѣченный изъ камня, ушедшій на половину въ землю,—все это отзывалось глубокой стариной временъ до «Коссова поля». Живописнѣе этого мѣста не было въ Горнемъ полѣ. Лагерь князя расположился ближе къ сѣверу—версты двѣ отъ насъ. Пока мы занимались разбивкою палатокъ, пріѣхалъ къ намъ всегдашній гость нашъ архимандритъ Серафимъ. Онъ только что получилъ два письма изъ Герцеговины, въ которыхъ сообщалось, что численность турецкаго войска, идущаго къ Никшичу, простирается до 7,000 чел. и состоитъ изъ всякаго сброду. Изъ этого числа регулярнаго войска наберется тысячи полторы не болѣе. Все остальное добровольцы и нѣсколько жандармовъ... При чемъ первые употребляютъ всевозможныя хитрости, чтобы избавиться отъ набора; многіе изъ нихъ бѣгутъ въ горы. Турецкіе беги, на которыхъ лежитъ обязанность сбирать ратниковъ и командовать надъ ними, уклоняются отъ своихъ обязанностей подъ разными болѣе или менѣе благовидными предлогами и что вообще среди мусульманскаго населенія царитъ деморализація. Къ этимъ весьма утѣшительнымъ свѣденіямъ для черногорцевъ присоединилось еще извѣстіе отъ воеводы Перо Песвича, полученное сегодня княземъ черезъ нарочнаго о разбитіи турокъ у Беронс. Располагая шестью четами (около 600 чел.)—противъ четырехъ таборовъ (1600 человѣкъ) непріятеля, воевода употребилъ тотъ маневръ, который всегда удавался черногорцамъ. Дѣло начали первоначально двѣ четы. Третья была скрыта на подмогу. Изъ остальныхъ, одна послана въ обходъ, въ тылъ, а другія двѣ служили резервомъ. Непріятель по силѣ огня заключая, что черногорцевъ немного, сталъ быстро наступать. Въ это время раздается залпъ скрытой сотни. Турки было пріостановили наступленіе, но скоро убѣдясь въ незначительности черногорскаго подкрѣпленія, снова стали напирать. Тогда черногорцы, по заранѣе уже условленному соглашенію, начали медленно отступать, пока первая сотня подошедшаго резерва не открыла огня. Между непріятелемъ произошло замѣшательство. Предполагая скрытую засаду и потерявъ возможность сколько-нибудь оріентироваться въ численности противника, турки стали быстро отступать и наткнулись съ тыла на новую чету черногорцевъ. Послѣдняя, сдѣлавъ нѣсколько залповъ по отступавшимъ, кинулась въ ятаганы; тѣмъ временемъ остальная сотня резерва успѣла обойти съ фланга и тоже кинулась въ атаку. Замѣшательство непріятеля перешло въ панику,—успѣли спастись около 500 человѣкъ, бѣжавшихъ въ Никошанъ,—1100 турокъ легли на мѣстѣ. Въ плѣнъ не брали. Нужно было пользоваться горячей минутой, чтобы непріятель, втрое больше численностью, не успѣлъ бы образумиться. Черногорцы потеряли 50 убитыми и 28 ранеными.

Развѣдка позицій для дѣйствія новой артиллеріи, предпринятая Боголюбовымъ совмѣстно съ Гейслеромъ и Цыклинскимъ еще до прибытія орудій, остановила выборъ ихъ на Драговой лукѣ и Црной-валъ. Послѣднее мѣсто находилось среди склона Требежской Главицы къ Никшичу. Но князь, осмотрѣвшій сегодня оба холма Умака, измѣнилъ ихъ выборъ въ пользу названныхъ холмовъ, причемъ поручилъ завѣдываніе двумя девяти-фунтовыми орудіями на Большомъ Умакѣ капитану Гейслеру, а двумя четырехъ-фунт. на Маломъ Умакѣ капитану Циклинскому; ихъ же обоихъ подчинилъ Врбицѣ. Для постройки и прикрытія батареи, а также и для перетаскиванія орудій данъ былъ герцеговинскій батальонъ гатчанъ. Кромѣ того, при каждомъ орудіи 10 человѣкъ прислуги. Наши же фейерверкеры раздѣлились между обоими взводами.

Пріятныя извѣстія дня отразились большимъ оживленіемъ на весь лагерь. Цетинскій батальонъ, получивъ въ подарокъ отъ князя 15 барановъ и нѣсколько мѣховъ ракіи, затѣялъ игру въ мячь. Наши солдаты, усѣвшись въ кружокъ съ черногорцами, разсказывали о житьѣ-бытьѣ на Руси, причемъ, стараясь сдѣлать свой языкъ понятнымъ окружающимъ, дополняли свои объясненія немилосердною жестикуляціею. Однимъ словомъ, всеобщему восторгу и одушевленію не было границъ. Князь тоже пришелъ въ торжественно-умилительное настроеніе духа и, краснорѣчиво распространяясь о великой пользѣ и о благодатномъ вліяніи безграничной власти въ соединеніи съ гуманностью, осыпалъ самыми лестными комплиментами всѣхъ русскихъ и все русское.

Времена перемѣнчивы. Прислушиваясь къ шумному веселью окружающихъ, къ пріятнымъ фразамъ, расточаемымъ княземъ и его приближенными, которые дружнымъ эхомъ повторяли каждое его слово, мнѣ невольно припоминалась та эпоха, еще очень недавняя, когда армія Сулеймана, съ огнемъ и мечемъ проходила по Черногоріи. Какую досаду и недовѣріе возбуждало тогда въ его свѣтлости все, что носило имя русскаго! Какъ отражались эти чувства на его обращеніи съ ни въ чемъ неповинными представителями нашей родины! Надо и то сказать, что въ то время положеніе Черногоріи можно было назвать по истинѣ критическимъ и что спасти ее отъ конечнаго разгромленія, по мнѣнію черногорскаго правительства, могла одна только Австрія. Понятно, что при такихъ условіяхъ всѣ симпатіи и любезности расточались Австріи и что русскіе были забыты.

Одинъ случай изъ этой эпохи особенно мнѣ памятенъ. Дѣло было какъ разъ послѣ прохода Сулеймана мимо Даниловграда. Армія князя стояла почти лицомъ къ лицу съ сорокатысячнымъ непріятельскимъ корпусомъ. Разгромитъ-ли Сулейманъ маленькую Черногорію такъ, какъ сдѣлалъ это Омеръ-паша въ 1862 году, или юнакамъ князя удастся отстоять свое отечество, съ помощью св. Петра?—вотъ въ чемъ состоялъ вопросъ. По всему лагерю царило мрачное настроеніе духа, князь былъ молчаливъ и угрюмъ. Вдругъ ему докладываютъ о пріѣздѣ дипломатическаго и военнаго агента Теммеля. Князь спѣшитъ къ нему на встрѣчу и, послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, снова начинаетъ гордо подымать голову, снова весело и самоувѣренно оглядываетъ окружающихъ. Австрійскій агентъ привезъ хорошія вѣсти: Сулейманъ не страшенъ болѣе, Австрія ему не дозволитъ разгромить Черногорію...

Теммель пріѣхалъ какъ разъ къ обѣду. Князь усаживаетъ его на самое почетное мѣсто, окружаетъ его самымъ усерднымъ вниманіемъ. Разговоръ принимаетъ интимный и безцеремонный характеръ, не стѣсняются затрогивать весьма щекотливые вопросы, а представители Россіи отодвинуты на задній планъ, на ихъ присутствіе не обращаютъ никакого вниманія.

— Каждый разъ, когда я слышу имя Муравьева, сказалъ между прочимъ князь,—воображенію моему представляются тѣ 30 епископовъ, которыхъ онъ повѣсилъ...

— Ну, 30 епископовъ, это для Польши множечко множко, замѣтилъ одинъ изъ присутствую-

щихъ, котораго вмѣстѣ съ прочими опальными посадили также въ самый конецъ стола.

Слова эти были сказаны вполголоса и какъ бы про себя, но слухъ у князя очень тонокъ! Тотчасъ же послѣ обѣда его свѣтлость подошелъ къ русскому полковнику Филиппенкѣ и, полушутя и полусерьезно, посовѣтовалъ ему поторопиться отливкой ядеръ, присовокупляя при этомъ, что еслибы литейная, которою онъ завѣдуетъ, менѣе занималась выдѣлываніемъ чернильницъ, дѣло съ ядрами подвигалось бы живѣе. (Надо замѣтить, что за нѣсколько дней, князю поднесли бронзовую чернильницу, отлитую на литейномъ заводѣ русскаго полковника).

— Успѣхъ литья ядеръ вполнѣ зависитъ отъ вашей свѣтлости, невозмутимо возразилъ малороссъ,—дадите денегъ, будетъ больше ядеръ, теперь же я ихъ отливаю на свой счетъ.

Отвѣтъ этотъ заставилъ князя измѣнить тонъ и сложить гнѣвъ на милость.

— Удивительно обидчивый народъ эти русскіе, замѣтилъ онъ съ добродушною улыбкой.

Князь, вѣроятно, при этомъ вспомнилъ обидчивость и рѣзкій отвѣтъ другого русскаго полковника, который, при извѣстіи объ одномъ изъ нашихъ неудачныхъ дѣлъ, на желчное замѣчаніе князя: «что это съ вами тамъ дѣлаютъ?»—немедленно отвѣтилъ: «тоже что и съ вами на Крстацѣ, ваша свѣтлость!»

Къ 20 августу, батареи на Умакахъ, подъ наблюденіемъ Гейслера и Циклинскаго, были уже сооружены. Транспортъ со снарядами *) изъ Рьеки полученъ и отправленъ для храненія въ Дуклу. Ожидали только приказа князя начать бомбардировку. Прежде, чѣмъ обновить новую артиллерію, князь послалъ въ Никшичь парламентера съ предложеніемъ добровольной сдачи, причемъ гарнизону представлялась возможность разойтись по домамъ. Никшичане просили князя подождать отвѣта до слѣдующаго дня. Во время переговоровъ и установки батарей, черногорцы дѣятельно занимались изобрѣтеніемъ и подготовкою всевозможныхъ средствъ для достиженія скорѣйшаго паденія злополучнаго «Оногешта». Изобрѣтенія эти отличались крайнею оригинальностью и содержались въ глубочайшей тайнѣ, до тѣхъ поръ однако, пока столяръ изъ Катаро, котораго вслѣдствіе необходимости пришлось черногорцамъ посвятить въ ихъ тайну, не выдалъ ихъ секрета. Но разоблаченія столяра были такъ сбивчивы, что по нимъ трудно было составить себѣ вѣрное понятіе о томъ, что именно сооружается. Одни говорили про какую-то ладью съ дырками, другіе про громадную колу (телѣга) Узатисъ, напримѣръ, положительно утверждалъ, что это будетъ деревянный конь для новой мусульманской Трои. Много шло толковъ и пересудовъ до появленія на свѣтъ этого произведенія черногорской техники. Наконецъ глазамъ зрителей, собравшихся возлѣ Малого Умака, предстало нѣчто въ родѣ четырехъугольной башни, на колесахъ, безъ дна и крыши. Толстыя, саженныя стѣны ея, помѣщались на осяхъ, въ полуаршинномъ разстояніи отъ земли, и заключали въ себѣ отъ 7 до 10 отверстій, предназначенныхъ для ружейныхъ стволовъ. Башня эта вмѣщала въ себѣ 20 стрѣлковъ и приводилась въ движеніе давленіемъ на стѣны ея изнутри. Когда условный звукъ сигнальной трубы возвѣстилъ бы послѣдній часъ мусульманской Трои, тогда эта лодко-образная кола, изрыгая смертоносный дымъ съ пламенемъ, двинулась бы къ стѣнамъ осажденной крѣпости, преграждая упрямымъ никшичанамъ всякій путь ко спасенію.

*) Вмѣстѣ съ орудіями прибыли 2000 снарядовъ для нихъ.

НАРОДЫ РОССІИ.

Камчадалъ и Алеуты.
Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ».

Собравшіеся кругомъ черногорцы приходили въ восторгъ отъ этого изобрѣтенія. Охотниковъ засѣсть въ него оказалось множество. Вмѣстѣ съ другими разсматривали хитрую машину и наши фейерверкеры.

— Штука-то не вѣсть Богъ какая! говорилъ недовѣрчиво фейерверкеръ Демницкій.

— Какъ онъ перешибетъ всѣмъ ноги, такъ вотъ и стой!

— Спередку перешибетъ, а въ середку не достать, замѣтилъ фейерверкеръ Картичевъ, — а ты вотъ что скажи, какъ зацѣпитъ крюкомъ, да взыметъ ее на стѣну, тогда уже ничего не подѣлать!

— Что кажешь? обратился къ нему рядомъ стоявшій черногорецъ. — Солдатъ сталъ снова пояснять.

— Немай тако кажешь, брате, замѣтилъ тотъ, выслушавъ объясненія съ большимъ вниманіемъ— я имамъ ханжаръ, одма посѣку. (Я имѣю ятаганъ, сейчасъ отрублю).

— Что ханжаръ! продолжалъ спорить русскій,—онъ тебѣ можетъ бросить гранату въ самую середку.

— Я емъ могу изводить на трохъ, Боггами! (Я могу выбросить ее вонъ, ей Богу) горячился черногорецъ.

— Что тамъ ни говори, а штука-то важная, подступа къ ней нѣтъ, палитъ во всѣ стороны, вмѣшался въ разговоръ фейерверкеръ Маякъ, до того времени, молча курившій трубочку.

— Хорошо братъ, лѣпо хорошо, одобрительно похлопывалъ онъ по плечу, черногорца.

Въ это время показался Врбица, ѣхавшій съ Требежской Главицы, и артиллеристы стали расходиться.

Въ недалекомъ разстояніи отъ холмовъ были разбросаны другія произведенія черногорскаго искуства, напоминавшія монтилеты. Каждое изъ нихъ состояло изъ толстой вязанки свѣжихъ прутьевъ, въ 2 аршина длины, перевязанной съ обѣихъ концовъ и съ широкимъ вѣникомъ листьевъ на одномъ изъ нихъ. Назначеніе ихъ было служить щитами отъ пуль. Впослѣдствіи во время штурма Петровскихъ Главицъ и Хасанджидина Гроба, черногорцы, укрываясь за этими фашинами, должны были подкатывать ихъ къ названнымъ мѣстамъ, такъ какъ подходъ къ нимъ, со всѣхъ сторонъ, лежалъ открытымъ полемъ.

21 августа, никшичане должны были отвѣтить, желаютъ ли они сдаться. Наступилъ полдень, а отвѣта все еще нѣтъ. Между тѣмъ князь получилъ извѣстіе, что турки, подъ начальствомъ Хафиза, съ новыми силами оттѣснили черногорцевъ и заняли позицію въ Езерахъ. Свѣденіе это непріятно подѣйствовало на князя и онъ отдалъ приказъ отправить еще одинъ батальонъ къ Калашину. Наконецъ часовъ въ 5 пополудни явился посланный изъ Никшича съ заявленіемъ, что гарнизонъ крѣпости и большая часть горожанъ раздумали сдаваться и намѣрены защищаться до послѣдней крайности. Турки видимо пріободрились, провѣдавъ объ Езерахъ и съ наступленіемъ ночи рѣшили даже штурмовать Чаджалицу, въ надеждѣ не встрѣтить съ этой стороны большого сопротивленія. Атака ихъ, хотя и была отбита, но тѣмъ не менѣе имъ удалось такъ ловко бросить бомбу, что она попала въ середину батареи на Чаджалицѣ, переранила 9 человѣкъ и одного убила. Не взирая на позднее время, мои помощники, студенты: Павловскій и Зилбербергъ, немедленно отправились на батарею, гдѣ, перевязавъ раненныхъ, отправили ихъ прямо съ мѣста въ походный лазаретъ д-ра Студитскаго.

Наступило пасмурное утро 22 августа. Въ этотъ день рѣшено было открыть стрѣльбу изъ новыхъ пушекъ. Черногорская артиллерія расположилась въ слѣдующемъ порядкѣ: 6 орудій на Требежской Главицѣ; 2 на Чаджалицѣ; 2 на Никочанскихъ Главицахъ и 2 на Драговой лукѣ. Всеобщее вниманіе было обращено на Умаки съ батареями орудій, откуда въ это время бѣлѣлись кителя капитановъ Гейслера и Циклинскаго. Множество черногорцевъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи высовывались съ шанцевъ Требежской Главицы; но самый ближайшій обсерваціонный постъ былъ занятъ Узатисомъ, въ маленькомъ импровизированномъ шанцѣ, устроенномъ въ 200 саженяхъ отъ городскихъ построекъ, на окраинѣ города. Смастерилъ онъ этотъ шанецъ въ одну изъ предыдущихъ ночей и самымъ тщательнымъ образомъ подкараулвалъ изъ него турокъ, подстрѣливая ихъ. Теперь Узатисъ, заразившись всеобщимъ любопытствомъ, вооружился биноклемъ, вмѣсто ружья.

По мнѣнію князя, артиллеристы наши должны были избрать цѣлью сначала башню цитадели (дист. 1100 саж.), гдѣ предполагался пороховой складъ, а потомъ редутъ Хасанджидинъ-Гробъ (дист. 500 саж.). Черногорская же артиллерія должна была стрѣлять по городу. Въ часъ пополудни, по условному сигналу, разомъ открыли огонь со всѣхъ батарей. Гулъ девятифунтовыхъ орудій заглушалъ всѣ остальные звуки. Турки отвѣчали орудіями и одной мортирой.

Спустя немного времени результатъ стрѣльбы Гейслера и Циклинскаго началъ обнаруживаться. Среди разстилавшагося дыма и пыли отъ разряжающихся снарядовъ и обваливающейся извести, ясно выдѣлялась крѣпостная башня, съ полуразрушенной крышею и съ громадной пробоиной въ передней стѣнѣ. Артилеристы дѣятельно продолжали бы разрушеніе до конца, если бы не послѣдовало приказаніе князя оставить башню и стрѣлять по городу. Вскорѣ нѣсколькими удачными выстрѣлами произвели пожаръ одного изъ большихъ домовъ; турокъ, кинувшихся тушить его, черногорцы мигомъ разогнали ружейными выстрѣлами; пожаръ однако потухъ самъ собой.

Въ 5 часовъ послѣдовало распоряженіе князя открыть сосредоточенный огонь изъ 4 русскихъ орудій по редуту Хасанджидинъ-Гробъ. Къ 8 часамъ редутъ былъ превращенъ въ развалины и передняя сторона бруствера была почти вся взрыта. Съ наступленіемъ полной темноты артиллерійскій огонь прекратился. Результатъ стрѣльбы изъ новыхъ орудій превзошелъ всѣ ожиданія: «съ такими топами намъ не страшны больше крѣпости», говорили черногорцы. Даже Вукотичъ, которому, вслѣдствіе нежеланія его подчиниться русскому офицеру, Гейслеръ принужденъ былъ уступить одно девятифунтовое орудіе, — даже Вукотичъ заявилъ, что онъ готовъ пользоваться совѣтами русскаго капитана.

На зарѣ 23 августа изъ Никшича явился парламентеръ съ убѣдительною просьбою не возобновлять стрѣльбы, потому что горожане, порѣшивъ сдаться, стараются въ настоящее время склонить на свою сторону коменданта крѣпости, не перестававшаго до сихъ поръ упорствовать. Однако весь день прошелъ въ уговариваніяхъ и только вечеромъ къ князю является снова посланный съ извѣстіемъ, что на слѣдующій день къ его свѣтлости офиціально прибудетъ депутація отъ города и начальникъ крѣпостнаго гарнизона для окончательныхъ переговоровъ о сдачѣ.

24 августа къ полудню князь уже находился близь кучи Махмуда, на мѣстѣ, выбранномъ имъ для переговоровъ, и ожидалъ депутатовъ, которые не замедлили вскорѣ прибыть. Депутація состояла изъ нѣсколькихъ именитыхъ гражданъ и во главѣ ея былъ самъ комендантъ крѣпости Миролай Искандеръ-бегъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, Миролай объявилъ князю, что какъ ему ни грустно и ни прискорбно, но сдать тотчасъ Никшичь онъ, при всемъ своемъ желаніи, не можетъ, такъ какъ въ этомъ городѣ есть еще нѣсколько очень богатыхъ и знаменитыхъ гражданъ, которые до сихъ поръ противятся капитуляціи. «Но если ваша свѣтлость согласится повременить еще дней 8, то мы ручаемся уговорить этихъ безумцевъ безропотно сдаться. Только 8 дней, ваша свѣтлость», сказалъ Миролай, въ заключеніе своей рѣчи, недовѣрчиво посматривая на князя, который слушалъ его съ насмѣшливой улыбкой. «8 дней не много», хоромъ повторили остальные члены депутаціи. При этихъ словахъ, князь быстро поднялся съ мѣста, ироническая улыбка на лицѣ его замѣнилась суровымъ выраженіемъ и онъ твердымъ голосомъ проговорилъ:

— Даю сутки на размышленіе. Если завтра въ 12 часовъ, послѣ трехъ холостыхъ выстрѣловъ, не послѣдуетъ сдача, я возьму вашъ городъ и крѣпость штурмомъ. Женъ и дѣтей предлагаю вывести за городъ. Черезъ дня три, Никшичь во всякомъ случаѣ будетъ мой, закончилъ свою короткую рѣчь князь, садясь вмѣстѣ со свитой на коней, чтобы отправиться обратно въ лагерь.

Извѣстіе о суточномъ перемиріи вскорѣ облетѣло всѣ позиціи. Толпы никшичанъ съ кучею дѣтей повылѣзли изъ ближайшаго квартала къ крѣпости и поспѣшно устремились въ кукурузныя поля собирать остатки покинутой жатвы. Къ нимъ скоро присоединились черногорцы, вышедшіе изъ своихъ шанцевъ. Пестрая толпа, раскинувшись на отдѣльныя группы, съ непремѣннымъ кофеемъ и трубками, оживлялась громкими спорами и остротами. Нѣсколько низамовъ разсказывали впечатлѣніе, произведенное на нихъ шорохой, которая, разорвавшись о скалу, входившую въ уголъ крѣпостной стѣны, дала рикошетъ ядромъ своей верхушки черезъ крѣпость въ Шайтонъ-шанецъ.

— Не будь у васъ такихъ орудій, не овладѣть бы вамъ Никшичемъ, говорили они.

— Все равно взяли бы васъ штурмомъ, возражали черногорцы. — Медунъ-то забыли?

— А Крстацъ и Преснку помните? какъ скоро бѣжали на Планиницу, отвѣчали имъ въ свою очередь никшичане. Но спохватившись, что подобные разговоры до добра довести не могутъ, немедленно перемѣнили тему и принялись расспрашивать много-ли между черногорцами русскихъ солдатъ? На вопросъ этотъ кто-то отвѣтилъ баснословной цифрой, объяснивъ, впрочемъ, что не всѣ русскіе стоятъ подъ Никшичемъ, а что большая часть ихъ скрывается въ разныхъ другихъ мѣстахъ Черногоріи.

Съ наступленіемъ вечера всѣ разошлись по мѣстамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

НАРОДЫ РОССІИ.

Оленные чукчи.

Рѣзано на деревѣ въ «**Варшавской политипажнѣ**».

Что такое богатство.

Въ 1723 г. въ Киркальди, небольшомъ городкѣ Шотландіи, въ семействѣ небогатаго таможеннаго чиновника родился сынъ. О первыхъ годахъ его дѣтства не сохранилось почти никакихъ преданій; извѣстно только, что онъ уже очень рано отличался охотою къ чтенію, любовью къ труду, замѣчательною памятью и кроткимъ нравомъ; что почти не принималъ участія въ дѣтскихъ играхъ своихъ товарищей, а былъ серьезенъ и задум-

чивъ, что рано поступилъ въ университетъ, что 25 лѣтъ онъ былъ уже професоромъ, сначала словесности потомъ логики, что лекціи его имѣли небывалый успѣхъ, что затѣмъ онъ посвятилъ себя десятилѣтнему упорному труду и плодомъ этого труда было изслѣдованіе, обезсмертившее имя его автора. Сочиненіемъ, обезсмертившимъ имя автора, было — «Изслѣдованіе о причинѣ богатствъ народовъ», а авторомъ его былъ Адамъ Смитъ.

Гёте говоритъ, что люди, владѣя словомъ, думаютъ, что владѣютъ и его понятіемъ. Такъ было и со словомъ богатство до Адама Смита. Даже и до сихъ поръ слову «богатство» придается два смысла — одинъ общеупотребительный въ обыденной жизни, смыслъ личный, частный; другой смыслъ — общій, научный, экономическій. Эти два понятія — одно, придаваемое «богатству» въ разговорномъ языкѣ, другое въ общенаучномъ или общественномъ — большею частію взаимно исключаютъ другъ друга.

Въ обыкновенной рѣчи богатствомъ считаются деньги и богатства каждаго отдѣльнаго человѣка опредѣляются количествомъ рублей, которыми онъ располагаетъ или цѣнными предметами, которые онъ можетъ превратить въ деньги. Чѣмъ больше у кого денегъ и цѣнныхъ вещей, тѣмъ онъ считается и богаче. Всѣ разсчеты обыденной жизни и всѣ соображенія о богатствѣ сводятся обыкновенно къ количеству денегъ и только они одни служатъ мѣриломъ богатства.

Взглядъ этотъ имѣетъ свое основаніе. Богатство, измѣряемое деньгами, дѣйствительно даетъ человѣку громадную власть надъ массою всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые могутъ служить ему для удовольствія, или для удовлетворенія его желаній. Предположите, что у васъ большой запасъ бронзовыхъ подсвѣчниковъ или часовъ, или какихъ-нибудь другихъ подобныхъ и весьма дорогихъ предметовъ. Владѣя этими предметами вы владѣете только ими, и если бы вамъ явилась надобность въ бриліантовыхъ украшеніяхъ, въ лошадяхъ, экипажахъ — ваши часы и бронзовые подсвѣчники, конечно, не могли бы удовлетворить этой надобности; а вамъ пришлось бы ихъ продать и на вырученныя деньги купить уже лошадей, экипажи или то, что вамъ нужно. Въ этомъ отношеніи только деньги заключаютъ въ себѣ качества всеобщей пригодности и даютъ вамъ возможность исполнять всякія ваши желанія. Бронзовые подсвѣчники и часы, которыми вы располагаете и которыми непосредственно вы не въ состояніи удовлетворить своимъ новымъ желаніямъ, вы должны превратить въ деньги, но еще неизвѣстно найдете-ли вы покупателя или человѣка, которому они нужны, а между тѣмъ деньги нужны всякому. Это удобство денегъ легко чувствуется каждымъ и потому понятно то предпочтеніе, которое имъ всегда оказывавалось. Деньги представляли еще и другое удобство, заключающееся именно въ ихъ пригодности для всякой надобности и сообщающее имъ весьма важное практическое удобство. Никакіе платежи, особенно большіе, какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ или правительственныхъ сношеніяхъ, невозможны посредствомъ другихъ вещей. Предположите, что вамъ надо заплатить сто — двѣсти тысячъ, что вы живете въ Петербургѣ, что все ваше имущество заключается въ сѣнѣ, въ дровахъ, въ хлѣбѣ, т. е. въ очень громоздкихъ предметахъ, а платежъ надо сдѣлать въ Москвѣ. Перевозка громоздкаго имущества положительно невозможна, потому что она не окупится цѣною предмета. Ясно, что только деньги дадутъ вамъ возможность сдѣлать уплату. Еще больше удобства представляютъ деньги въ правительственныхъ или международныхъ сношеніяхъ: — они тутъ положительно незамѣнимы никакими предметами. Предположите, что во время нашей войны съ Турціей, всѣ снабженія и обмѣнъ предметовъ производились бы непосредственно вещами; что вмѣсто простого обмѣна на деньги, который дѣлался, пришлось бы везти громадные транспорты продовольствія, что для этого всѣ подати и налоги собирались бы продуктами крестьянскаго производства и предметовъ промышленности. Россія оказалась бы загроможденной безконечными рядами обозовъ, которые бы везли въ государственную казну изъ всѣхъ русскихъ деревень овесъ, сѣно, хлѣбъ и разное сырье, составляющее предметъ сельскаго хозяйства, а изъ городовъ всякій лавочный товаръ: фарфоръ, бронзу, ситцы, сапоги и т. д. Употребленіе денегъ упростило всѣ эти отношенія и дало правительствамъ возможность не только привести свои разсчеты къ простѣйшей формѣ отношеній, но еще и гораздо точнѣе опредѣлить свои надобности и расходы. Такимъ образомъ и въ правительственныхъ отношеніяхъ деньги оказали такую же услугу, какъ и въ частныхъ.

Но деньги все-таки не богатство, деньги даже не обладаютъ и той силой, которая имъ придается обыденнымъ пониманіемъ. Деньги сами по себѣ не въ состояніи удовлетворить никакой надобности, ими нельзя быть сытымъ, въ нихъ нельзя одѣться, они же не могутъ доставить человѣку и разнообразныхъ душевныхъ наслажденій. Больше-ли ихъ или меньше въ какой-нибудь странѣ — отъ этого еще взаимныя отношенія между людьми не измѣнятся. Можно владѣть большою массою денегъ и не имѣть возможности пріобрѣсти на нихъ многое изъ того, въ чемъ человѣкъ могъ бы нуждаться. Живя въ Лапландіи вы и за милліонъ рублей не купите себѣ наслажденія итальянской оперой или тѣ удобства матеріяльной жизни, которыя вамъ можетъ доставить Лондонъ, Парижъ, Петербургъ. Въ государствѣ можетъ обращаться 20 мил. денегъ, а можетъ быть ихъ и 40, но во второмъ случаѣ государство не будетъ вдвое богаче; а между тѣмъ страна, производящая 40 миліоновъ четвертей хлѣба будетъ вдвое богаче страны, производящей только 20 миліоновъ четвертей. Если бы въ странѣ, производящей 20 мил. четвертей, было бы 40 мил. денегъ, а въ странѣ, производящей 40 мил. четвертей, 20 мил. денегъ, внутреннія собственно экономическія отношенія въ нихъ отъ этого нисколько бы ни измѣнились, вся разница заключалась бы лишь въ томъ, что при обиліи денегъ уменьшилась бы ихъ покупательная сила, а при недостаткѣ вмѣсто того, чтобы имъ обернуться одинъ разъ — они обернулись бы два раза. Деньги только средство, а вовсе не цѣль экономическихъ отношеній и, по словамъ Адама Смита, смѣшивать деньги съ богатствомъ такая же ошибка, какъ считать самую удобную дорогу, по которой вы ѣдете къ себѣ домой, за самый вашъ домъ.

Богатство составляетъ полезныя вещи или же средства для ихъ пріобрѣтенія; вещи, за которыя нельзя получить въ обмѣнъ ничего, если бы онѣ были даже полезны или необходимы, не составляютъ еще богатства. Есть множество предметовъ въ высшей степени полезныхъ или даже безусловно необходимыхъ для существованія человѣка, но которыхъ никому въ голову не придетъ считать богатствомъ. Что можетъ быть полезнѣе и даже необходимѣе воздуха, но попробуйте собрать его въ какіе-нибудь герметическіе сосуды и привезите на рынокъ для продажи — вы возбудите только смѣхъ. Теперь предположите, что обычаи жизни настолько измѣнились, что приходится жить въ катакомбахъ или подземныхъ жилищахъ, куда воздухъ надо доставлять искуственно; предположите, что вслѣдствіе какихъ-нибудь причинъ воздуху на земномъ шарѣ стало меньше и что онъ составляетъ достояніе немногихъ собственниковъ. Ясно, что тѣмъ, у кого его нѣтъ, пришлось бы покупать его за деньги и онъ получилъ бы рыночную цѣну настолько высокую, насколько въ немъ было больше потребности; что при подобномъ обмѣнѣ владѣльцы воздуха могли бы сдѣлать большое состояніе и воздухъ былъ бы ихъ истиннымъ богатствомъ. Но спрашивается, что выиграло бы отъ этого богатства нѣкоторыхъ, остальное населеніе страны? Не только ничего, а, напротивъ, богатства отдѣльныхъ монополистовъ стали бы источникомъ бѣдствій для массы и совершилось бы простое переселеніе денегъ изъ однихъ кармановъ въ другіе. Монополисты воздуха стали бы богаче насчетъ обѣдненія тѣхъ, кому пришлось бы платить за воздухъ, а количество воздуха нисколько бы не прибавилось.

Такимъ образомъ богатство имѣетъ какъ бы два значенія: — одно въ примѣненіи къ отдѣльнымъ лицамъ, другое — въ примѣненіи къ обществу или народу. Для отдѣльнаго лица богатствомъ можетъ быть все то, что оно можетъ вымѣнять на другія полезныя или пріятныя вещи. Напримѣръ, для васъ, какъ для частнаго человѣка, можетъ быть богатствомъ всякій вексель или долговая записка и чѣмъ больше вамъ должны, тѣмъ вы будете, конечно, богаче. Но отъ росписокъ и долговыхъ обязательствъ, которыми вы владѣете, ваше отечество не станетъ богаче и количество денегъ въ странѣ нисколько не увеличится. Если бы сжечь всѣ долговыя обязательства, которыми вы владѣете, стали бѣднѣе бы только вы, потому что лишились бы возможности пріобрѣсти на свои деньги то, что вамъ нужно и сдѣлался бы богаче вашъ должникъ, сдѣлавшись владѣльцемъ вашихъ денегъ. Еще меньше стало бы богато ваше отечество, если бы по какимъ либо обстоятельствамъ или въ силу дурныхъ государственныхъ учрежденій поощрялись бы въ вашемъ отечествѣ монополіи. Всякая монополь есть такой порядокъ вещей, при которомъ нѣкоторымъ или отдѣльнымъ лицамъ предоставляются возможности пользоваться выгодами насчетъ выгодъ другихъ. При монополѣ, существующемъ на разработку лѣсовъ, рыбныхъ промысловъ, какъ это практиковалось у насъ въ прошедшемъ столѣтіи въ архангельскомъ краѣ, въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ сосредоточивается право на такую дѣятельность и экономическую производительность, которой лишаются другіе. Тутъ только повтореніе приведеннаго выше примѣра о монополіи на воздухъ: единицы становятся богаче насчетъ массы; въ цѣломъ же богатство въ странѣ не прибавляется настолько же, насколько оно не прибавляется оттого, что одинъ человѣкъ занялъ у другого тысячу рублей.

Экономическая наука не имѣетъ дѣла съ богатствами отдѣльныхъ лицъ. Оно для нея важно настолько, насколько порядки и отношенія, существующія между людьми, мѣшаютъ или помогаютъ общему благосостоянію и поскольку возможности, благопріятствующія обогащенію отдѣльныхъ лицъ, мѣшаютъ обогащенію или благосостоянію всѣхъ людей вообще, создавая или увеличивая общее экономическое неравенство.

Личное богатство, какъ и личное счастье, рѣдко примирявшееся до сихъ поръ съ понятіемъ объ общемъ благополучіи, способствовали до сихъ поръ только неравенству установившихся экономическихъ отношеній. Первобытное общество было самымъ равноправнымъ. Въ немъ всѣ были одинаково богаты или одинаково бѣдны, одинаково равны и въ умственномъ и въ гражданскомъ отношеніяхъ. Богатство какого-нибудь зулуса, какъ и первобытнаго дикаря, состоитъ изъ шкуръ, оружія для охоты и войны, очень грубаго и несовершеннаго, жалкихъ челноковъ для переправы черезъ рѣки или озера, изъ немногихъ украшеній, да какихъ-нибудь горшковъ, служащихъ домашней посудой. Если къ этому у

дикаря явится нѣсколько лишнихъ мѣховъ, которые онъ можетъ промѣнять на водку, на табакъ—дикарь считаетъ себя вполнѣ счастливымъ. Между первымъ сановникомъ государства дикарей и послѣднимъ воиномъ нѣтъ особенной разницы ни въ богатствѣ, ни въ образѣ жизни, ни въ матеріяльныхъ удобствахъ; для всѣхъ нихъ высшее наслажденіе заключается въ одуреніи отъ вина или табаку, да въ праздномъ лежаніи. Состояніе подобнаго общества, конечно, самое жалкое, но за то несомнѣнно, что и ни въ одномъ цивилизованномъ обществѣ экономическая гражданская и умственная равноправность далеко не доходятъ до этого идеала равенства.

Экономическое равенство сейчасъ же начинаетъ нарушаться, какъ только общество изъ дикаго переходитъ въ пастушеское состояніе. Въ пастушескомъ состояніи имѣется гораздо больше возможностей для личнаго обогащенія и тотъ, кого жизнь наградитъ большой семьей, кто бережливѣе, предусмотрительнѣе или счастливѣе—у того является больше стадъ и этимъ кладется первое основаніе неравенству имущества, въ дикомъ состояніи неизвѣстное. Въ пастушескомъ обществѣ средства продовольствія гораздо опредѣленнѣе, въ немъ не приходится ломать голову каждую минуту, чѣмъ прожить завтрашній день, а вслѣдствіе этого у общества уже является извѣстный досугъ, а съ нимъ и стремленіе къ удобствамъ жизни и желаніе имѣть одежду, орудія и предметы домашняго потребленія болѣе совершенные. Этимъ кладется начало искуству и промышленности, затѣмъ является возможность обмѣна, а съ обмѣномъ возникаетъ еще большее неравенство. Возможность обмѣна и вообще досугъ вліяютъ на развитіе такихъ способностей, которыя помогаютъ еще большему улучшенію матеріяльнаго быта.

Но вотъ увеличеніе населенія и стадъ доходитъ до такого размѣра, что количество продуктовъ, даваемыхъ почвой, становится недостаточнымъ и обществу приходится подумать о томъ, какъ бы съ того же самаго количества земли получить большее количество пищи. Тогда возникаетъ медленный переходъ кочеваго быта въ земледѣльческій. Земледѣльческое состояніе отличается особенно тѣмъ, что даетъ сравнительно громадную массу пищи и поэтому необыкновенно способствуетъ увеличенію населенія. Но какъ бы ни увеличилось населеніе и какъ бы оно ни было трудолюбиво, оно никогда не можетъ производить такого излишка пищи, которымъ бы могло содержаться излишнее количество работниковъ для другихъ занятій. Поэтому въ чисто земледѣльческихъ государствахъ никогда не могутъ процвѣтать и развиваться успѣшно другія промышленности. Земледѣльческія государства бѣдны еще и потому, что немногіе излишки, которые остаются у земледѣльца берутся у него на надобности государства, на потребности религіозныхъ учрежденій, на управленіе.

Къ земледѣльческому типу принадлежатъ всѣ обширныя монархіи, существующія еще до сихъ поръ въ Азіи, напр., Китай, Индія, Египетъ, Турція. Отличительная черта ихъ именно въ томъ, что, собирая отъ земледѣльческаго населенія его излишки, онѣ оставляютъ ему только то, что едва достаточно для его существованія. Въ подобныхъ земледѣльческихъ государствахъ общество распадается на двѣ рѣзкія группы; къ одной принадлежитъ правящее сословіе, другую группу составляетъ все остальное почти исключительно земледѣльческое населеніе и сравнительно ничтожное число ремесленниковъ. Въ экономическомъ отношеніи и въ смыслѣ благосостоянія эти двѣ группы рѣзко отличаются одна отъ другой. Правящее сословіе, собирая всѣ излишки народа, блеститъ роскошью, имѣетъ возможность удовлетворять не только всѣмъ своимъ желаніямъ, но и прихотямъ и живетъ съ той истинной восточной роскошью, о которой въ европейскомъ бытѣ не имѣютъ даже представленія. Безумная роскошь сановниковъ и правителей, бросающаяся рѣзко въ глаза, была причиной долгаго заблужденія европейцевъ насчетъ богатства восточныхъ народовъ, но теперь ни для кого уже не секретъ, что безуміе роскоши какого-нибудь египетскаго хедива покупается имъ на счетъ фелаха, который живетъ въ простой земляной норѣ, еще въ большей нуждѣ и бѣдности, чѣмъ даже первобытный дикарь, правитель котораго почти ничѣмъ не отличался отъ своего подданнаго: Атилла ѣлъ ту же самую конину, что ѣлъ и его воинъ, спалъ, какъ и онъ, на голой землѣ и подъ голову подкидывалъ свое боевое сѣдло.

Въ подобныхъ обществахъ возникаетъ совсѣмъ особый порядокъ внутреннихъ экономическихъ сношеній. Правитель, обезпечивъ себя на счетъ народа настолько, чтобы устроить свою личную жизнь, окружаетъ себя извѣстнымъ штатомъ и тѣлохранителями, заводитъ войско, какое нужно лично ему для поддержанія его династіи и охраненія государства отъ внѣшнихъ враговъ, а затѣмъ остальные излишки дѣлитъ щедрою рукою между своими любимцами и приближенными. Этимъ путемъ создаются разныя утонченныя потребности и безумная роскошь, поощряются преимущественно производства, ее поддерживающія, является запросъ на изысканные и дорогіе товары, на утонченныя ткани, на золотыя издѣлія и драгоцѣнности и создается въ странѣ своеобразный рынокъ утонченныхъ предметовъ, производимыхъ частію дома, а частію доставляемыхъ изъ другихъ странъ. Но какъ рядомъ съ этимъ никто не убѣжденъ въ прочности своего имущества, потому что оно зависитъ отъ доброй воли и личнаго произвола правителя, то каждый старается сообщить своему богатству форму наиболѣе удобную, чтобы при случаѣ можно было его скрыть. Поэтому въ государствахъ восточнаго типа всегда преобладала наклонность къ золоту и драгоцѣнностямъ. Что же касается до земледѣльцевъ, то, не говоря уже про жалкое существованіе, которое они влачатъ, всѣ издѣлія, служащія имъ орудіемъ производства, отличаются первобытной грубостью и несовершенствомъ. О золотѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ, конечно, тутъ не можетъ быть и рѣчи. Вообще, несмотря на то, что собственно земледѣлецъ является основной причиной кажущагося внѣшняго богатства государствъ восточнаго типа, его положеніе не составляетъ предмета особенной заботливости правительства. Съ одной стороны онъ отдаетъ свои излишки въ пользу правящихъ сословій, съ другой, находится въ рукахъ торговцевъ, которые являются или сборщиками податей, получаемыхъ отъ правительства на откупъ, или же его кредиторами, снабжающими его деньгами на покупку сѣмянъ, скота и т. д. Такимъ образомъ жатва земледѣльца переходитъ почти вся цѣликомъ въ руки этихъ лицъ, а земледѣлецъ бѣдствуетъ изъ года въ годъ, а его сельское хозяйство остается постоянно въ первобытномъ безъисходномъ положеніи.

Европейскія государства сложились по иному типу. На памяти исторіи они были уже земледѣльческими обществами, въ которыхъ каждая семья производила сама для себя пищу и издѣлія, какія ей были нужны; налоговъ не было никакихъ и всѣмъ жилось спокойно и патріархально. Но рядомъ съ этимъ патріархально жившимъ земледѣльцемъ стоялъ рабъ; рабъ этотъ несъ на своихъ плечахъ всѣ матеріяльныя тягости жизни, онъ добывалъ и продукты, необходимые на содержаніе государства. Понятно, почему земледѣлецъ не зналъ налоговъ и жилъ счастливо въ своей семьѣ. Какъ однако ни были счастливы эти первоначальныя маленькія общества, но существованіе ихъ не было особенно прочно; а причина непрочности заключалась въ постоянныхъ войнахъ, поводовъ къ которымъ было всегда довольно. Побѣдитель всегда налагалъ на побѣжденнаго дань, завоеваннаго врага превращалъ обыкновенно въ раба и, конечно, не только могъ жить еще обезпеченнѣе и спокойнѣе, но еще строить изъ излишковъ тѣ грандіозныя или изящныя зданія или создавать тѣ произведенія искуства, которымъ мы удивляемся въ древнихъ греческихъ республикахъ. Вѣчныя войны древнихъ обществъ, неумѣвшихъ сливаться въ цѣлое, кончились тѣмъ, что въ рукахъ римлянъ, владѣвшихъ этимъ секретомъ, очутился весь древній міръ.

Римъ, подобно восточнымъ государствамъ, не съумѣлъ быть справедливымъ въ имущественномъ отношеніи и дошелъ, наконецъ, до такого чудовищнаго неравенства въ богатствахъ, что единственнымъ владѣльцемъ необъятной поземельной собственности явилось небольшое число семействъ, жившихъ съ невиданною восточной роскошью, а остальное населеніе составляли рабы и мелкіе арендаторы, жившіе не лучше рабовъ. Это раздѣленіе общества на крайности и бѣдности и богатства привело къ тому, что Римъ былъ не въ состояніи выдержать напора варваровъ.

Варвары, завоевавшіе римскую имперію, оказались обладающими большимъ экономическимъ смысломъ, чѣмъ патриціи древняго міра. И варвары жили насчетъ побѣжденныхъ, но они не отнимали отъ нихъ всего и земледѣлецъ, при всей своей зависимости, могъ кое-что откладывать. Накопивъ кое-что, крѣпостной земледѣлецъ или покупалъ себѣ свободу, или удалялся въ городъ. Здѣсь онъ занимался какимъ-нибудь мастерствомъ или промысломъ и обмѣнивалъ свои издѣлія на матерьялы и пищу, которую получалъ отъ феодальныхъ землевладѣльцевъ. Этимъ путемъ постепенно сложился тотъ комерческій и мануфактурный порядокъ вещей, который мы видимъ теперь въ западной Европѣ. Западная Европа представляетъ совсѣмъ особенный экономическій типъ, не имѣющій общаго съ типомъ восточнымъ. Хотя феодалы и были не прочь держать себя, какъ восточные владыки, но имъ это было гораздо труднѣе, потому что ихъ было много; въ тоже время ремесленное сословіе городовъ, которое образовалось изъ освободившихся земледѣльцевъ имѣло большую возможность и средства противодѣйствовать произволу феодальныхъ владѣльцевъ. Забирая въ свои руки все большую и большую силу, благодаря тому, что въ его рукахъ сосредоточивалась промышленность и торговля, земледѣльческо-промышленное населеніе образовало изъ себя третье сословіе. Это третье сословіе является въ настоящее время въ Европѣ главной правящей силой. Въ его рукахъ сосредоточивается, какъ масса капитала, такъ и средства интелектуальныя и средства власти.

Характеристическія черты экономическихъ отношеній Европы въ настоящее время необыкновенно сложны и разнообразны. Если взглянуть на Европу съ точки зрѣнія ея внѣшней цивилизаціи, то послѣдняя поражаетъ своей наружной грандіозностью и массою гигантскихъ сооруженій, какихъ еще никогда не зналъ міръ. Экономическая исторія человѣчества и его промышленной дѣятельности не видѣла ничего подобнаго теперешнимъ мануфактурнымъ городамъ Англіи, роскоши, блеску внѣшней жизни Парижа, Лондона, Вѣны; не видѣла ничего подобнаго новымъ средствамъ сообщенія и сношенія, какъ желѣзныя дороги, паровые суда и телеграфъ. Но если вникнуть въ подробности жизни европейскаго населенія, то легко усмотрѣть различіе въ количествѣ его богатства, въ размѣрахъ и быстротѣ его производства. Число богатыхъ и от-

ношеніе къ бѣднымъ тоже неодинаково. Есть мѣстности, гдѣ земледѣльцу принадлежитъ вся его земля и онъ является полнымъ хозяиномъ всѣхъ ея продуктовъ; въ другихъ странахъ онъ пользуется чужой землей на условіяхъ, болѣе или менѣе, для него выгодныхъ. Есть мѣстности, гдѣ землевладѣлецъ сдаетъ свою землю за арендную плату фермеру, а тотъ нанимаетъ рабочихъ, обыкновенно безземельныхъ батраковъ, и классъ безземельнаго населенія образуетъ такъ называемый земледѣльческій пролетаріатъ. Фабричное производство находится тоже въ очень разнообразныхъ положеніяхъ; начиная кустарнымъ производствомъ, дающимъ кустарю гроши, оно кончается заводскимъ производствомъ, дающимъ собственникамъ миліоны. Въ промышленныхъ государствахъ, подобно Англіи, гдѣ въ однихъ немногихъ рукахъ сосредоточиваются капиталы— фабричный рабочій напоминаетъ по своему незавидному положенію почти земледѣльца восточныхъ государствъ.

Всѣ эти различія въ экономическомъ положеніи европейскаго и азіятскаго общества, конечно, должны зависѣть отъ извѣстныхъ причинъ и возможность опредѣленія ихъ разумѣется не превышаетъ средствъ человѣческаго ума. Насколько всѣ эти причины зависятъ отъ общественныхъ отношеній и учрежденій, создающихъ тѣ или другія нравственныя отношенія между людьми, составляло уже давно предметъ вниманія философовъ и ученыхъ и вызвало цѣлый рядъ экономическихъ изслѣдованій, закончившихся, наконецъ, «Опытомъ о богатствѣ народовъ», которымъ Адамъ Смитъ положилъ основаніе политической экономіи. Политическая экономія старается опредѣлить законы производства, и такого распредѣленія богатства, чтобы устранить по возможности неравенство матеріяльнаго благосостоянія, которое въ свою очередь является причиною малой успѣшности производства.

Изобрѣтенія и открытія.

(Ст. Л. М. Невольскаго.)

Воздѣйствіе космическихъ явленій на процесы общественной жизни.—Теорія Джевонса относительно зависимости экономическихъ кризисовъ отъ солнечныхъ макуляцій.—Сезонъ «египетскихъ казней».—Холера въ Индіи.—Привитіе бактеріальной болѣзни хлѣбному жучку.—Новый экстинкторъ (огнегаситель) Баноласа.—Самовозгараніе.—Телектроскопъ.—Новости телеграфіи.—Враги телеграфныхъ кабелей.—Электрическій плугъ.—Укрощеніе лошадей электричествомъ.—Вліяніе свѣта на развитіе животныхъ.—Лошади, родившіяся въ копяхъ.—Плотоядные гуси и голуби.—Невѣроятное физіологическое открытіе.

Если прогресъ культурнаго развитія современнаго человѣчества до нѣкоторой степени огражденъ отъ тѣхъ враждебныхъ катастрофъ, подъ вліяніемъ которыхъ стиралась съ лица земли вѣками выработанная культура; если устойчивости цивилизаціи уже не грозитъ ни опустошительная лавина варваровъ, ни изувѣрство инквизиціи, ни феодальная анархія среднихъ вѣковъ и т. п., то тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что современный «вѣкъ разума» стоитъ лицомъ къ лицу съ другими враждебными ему факторами, правда, менѣе грубыми, но за то труднѣе уловимыми. Въ числѣ этихъ факторовъ или, вѣрнѣе, во главѣ ихъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ поставить экономическіе кризисы, воздѣйствіе которыхъ порождаетъ много другихъ враждебныхъ цивилизаціи факторовъ, временно, но періодически, тормозящихъ прогресъ человѣчества.

Даже при самомъ поверхностномъ анализѣ исторіи кризисовъ легче всего бросается въ глаза ихъ странная періодичность. Американскій экономистъ Кэри еще въ 1838 г. подмѣтилъ этотъ фактъ и опредѣлилъ средній промежутокъ времени между двумя, другъ за другомъ слѣдующими, кризисами приблизительно въ $10\frac{1}{2}$ лѣтъ, что съ тѣхъ поръ неоднократно подтверждалось мнѣніями другихъ ученыхъ. Если за исходную точку принять 1721 г.,—годъ одного изъ ужаснѣйшихъ экономическихъ краховъ, извѣстнаго въ исторіи подъ названіемъ «пузыря Южнаго Океана», то съ тѣхъ поръ кризисы шли въ слѣдующемъ порядкѣ: 1731, 1742, 1752, 1763, 1773, 1784, 1794, 1805, 1815, 1826, 1836, 1847, 1857, 1868, 1878 г., т. е. болѣе или менѣе чрезъ десятилѣтніе промежутки. Но разъ удалось статистикѣ уложить ходъ кризисовъ въ рамки болѣе или менѣе точнаго закона, какъ сейчасъ же явились попытки найдти причинную связь этой періодичности. Стэнли Джевонсъ, мыслитель серьезный и оригинальный, видитъ эту причину во вліяніи минимума солнечныхъ пятенъ. Какъ ни труднымъ кажется допустить эту зависимость между такими отдаленными и разнородными явленіями, но разъ констатировано, что средній періодъ кризисовъ соотвѣтствуетъ среднему же двухъ минимумовъ солнечной макуляціи (macula—пятно), то уже по одному этому оба явленія не могутъ быть чуждыми другъ другу. Подобную же связь нѣкоторые ученые распространяютъ и на другія явленія общественной жизни, какъ-то на голодъ, чуму и, такимъ образомъ, гипотеза Джевонса не теряетъ своей научной важности даже и въ томъ случаѣ, если бы она констатировала лишь тотъ фактъ, что вліяніе солнечныхъ пятенъ не ограничивается физическими явленіями (годичная температура и барометрическое давленіе), но распространяется на жизнь организмовъ и человѣческихъ обществъ. Хотя знаменитое и авторитетное въ ученомъ мірѣ имя Джевонса само по себѣ придаетъ серьезное значеніе этой смѣлой гипотезѣ, но, будучи сторонниками индуктивнаго метода изслѣдованія вообще, а въ вопросахъ общественной жизни въ особенности, мы лишь по обязанности хроникера заносимъ этотъ фактъ въ нашу хронику, не останавливаясь на немъ дольше уже и потому, что слѣдующій кризисъ, по гипотезѣ Джевонса, отдѣленъ отъ насъ десятилѣтнимъ промежуткомъ, а за это время наука, безъ сомнѣнія, успѣетъ многое добавить къ этому предмету.

Мы разстаемся съ этою грядущею «злобой дня»

Къ статьѣ «Въ новой Гвинеѣ». **Извержение вулкана Тонаворку.** (См. № 21 Жив. Об.)

Изверженіе на Этнѣ.

еще и потому, что, незаглядывая впередъ, приходится вѣрить, что мы переживаемъ новую эпоху египетскихъ казней. Едва успѣлъ стереться въ нашемъ воспоминаніи зловѣщій силуэтъ чумы, какъ на смѣну, словно изъ рога изобилія, посыпались другія «казни»: опустошительные ураганы, наводненія, градобитія, саранча, хлѣбные жучки и пожары, пожары... Въ дополненіе ансамбля слышится громъ изъ тучи болѣе отдаленной. Въ «Times» телеграфируютъ изъ Калькуты, что религіозныя празднества въ Гурдварѣ, совершающіяся въ нынѣшнемъ году и повторяющіяся каждыя 12 лѣтъ, угрожаютъ такими же грозными послѣдствіями въ 1879 г., какъ это было въ 1867 г. Въ Гурдварѣ столпилось до миліона богомольцевъ и, помимо всевозможной предосторожности со стороны властей, среди паломниковъ развилась ужасающая холера. Толпы возвращающихся богомольцевъ разносятъ эпидемію по всѣмъ направленіямъ и болѣзнь успѣла проявиться уже въ Дели и другихъ мѣстностяхъ сѣверной Индіи. Случаи заболѣванія были даже и среди расположенныхъ тамъ европейскихъ войскъ.

Въ нашей хроникѣ, имѣющей спеціальный характеръ, конечно, приходится говорить обо всѣхъ этихъ невзгодахъ именно лишь со стороны спеціальности. Современное человѣчество далеко отъ того, чтобы во всѣхъ постигающихъ его невзгодахъ усматривать карающій перстъ и пассивно подчиняться своей участи. Извѣстно, что древніе евреи читали на крыльяхъ саранчи, такъ сказать, протоколъ своихъ беззаконій и вѣрили, что этотъ бичь является орудіемъ гнѣва Божьяго, а потому фаталистически подчинялись нашествію крылатаго врага. Но времена перемѣнились: человѣчество изощрилось въ средствахъ защиты отъ подобнаго рода враждебныхъ случайностей и теперь съ саранчею сражаются солдаты, а другому врагу земледѣльца, пресловутому «кузькѣ», наука изготовила поистинѣ утонченное воздаяніе. По словамъ кореспондента газеты «Молва», професоръ Мечниковъ напалъ на счастливую мысль уничтожать личинки хлѣбнаго жучка, прививая имъ грибную болѣзнь. Такія эпидеміи являются въ природѣ сами собой и весьма часто поражаютъ безчисленное множество различнѣйшихъ насѣкомыхъ. Мысль професора Мечникова заключается въ томъ, чтобы эксплуатировать это явленіе для борьбы съ хлѣбнымъ жукомъ. Болѣзнь шелковряда (flachérie), которая въ короткое время успѣла истребить цѣлыя плантаціи шелковичныхъ червей во Франціи и Италіи, по мнѣнію професора Мечникова, представляется наиболѣе страшною и для хлѣбнаго жука. Болѣзнь эта происходитъ отъ зарожденія и развитія микроскопическихъ «бактерій», размножающихся, какъ извѣстно, чрезвычайно быстро; всѣ же грибныя и бактеріальныя болѣзни заразительны въ высшей степени: не только прикосновеніе здоровой личинки къ больной, но даже та земля, въ которой лежали больныя личинки, убиваетъ всѣ другія, положенныя туда совершенно здоровыми; болѣзнь распространяется именно посредствомъ прободенія кожи личинокъ микроскопическими животными, которыя уже ростутъ тамъ и образуютъ грибную болѣзнь. Черезъ 10 дней послѣ посѣва заразительныхъ споръ обнаруживались первые случаи смертности жучковъ, но бывали такіе случаи и по истеченіи 3 — 4 дней; самый же длинный срокъ—мѣсяцъ. Такъ какъ научное основаніе было найдено, то оставалось только по возможности облегчить для землевладѣльцевъ способъ распространенія болѣзни жучка въ поляхъ. Самымъ цѣлесообразнымъ въ этомъ отношеніи средствомъ было бы устраивать грядки съ землею, класть въ нее больныхъ личинокъ жучка, потомъ, спустя нѣкоторое время, разсѣвать эту землю по полямъ. Что же касается опасенія, чтобы болѣзнь не проявилась вреднымъ образомъ на человѣкѣ и животныхъ, то это опасеніе професоръ Мечниковъ устраняетъ замѣчаніемъ, что при культурѣ шелкопряда, подверженнаго подобнымъ болѣзнямъ, нигдѣ не было обнаружено вредныхъ послѣдствій для здоровья человѣка, а тамъ послѣдній приходитъ въ болѣе близкое прикосновеніе съ заразою, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда онъ занимается обработкою полей, засѣянныхъ хлѣбомъ. Опыты професора Мечникова были провѣрены професоромъ Ценковскимъ и дали тѣже блестящіе результаты.

Въ послѣднее время мы столько слышимъ о пожарахъ, что до нѣкоторой степени предметъ этотъ сдѣлался вопросомъ дня. Мы, конечно, и не думаемъ доискиваться причины этихъ пожаровъ, да и причины-то, къ слову сказать, до того обыкновенны и споконвѣчны, что ужь, конечно, трудно имъ претендовать на мѣсто въ ряду съ различными изобрѣтеніями и открытіями. Оставляя эту немудрую задачу на мудрое разрѣшеніе нѣкоторымъ органамъ нашей печати, глубокомысленно усматривающимъ нѣкій X во всякомъ обыденномъ явленіи, между вполнѣ извѣстными и опредѣленными факторами, — мы задаемся болѣе скромною цѣлью слѣдить за средствами, противопоставляемыми наукою разрушительной силѣ пожаровъ. Въ № 26 «Жив. Об.» за прошлый годъ, мы говорили о домашнемъ шведскомъ огнегасителѣ и помѣстили рисунокъ этого прибора. Въ томъ же году, въ № 49, мы помѣстили спеціальную статью «Сельскіе пожары и средства противъ нихъ». Въ настоящій сезонъ пожаровъ, мы тоже не хотимъ остаться въ долгу у нашихъ читателей и приводимъ описаніе новаго экстинктора (огнегасителя), изобрѣтеннаго Баноласомъ (mata fuego Banolas), опыты съ которымъ совершались недавно въ Парижѣ, во дворѣ архива министерства финансовъ. Самъ приборъ весьма невеликъ, а потому удобоносимъ по лѣстницамъ и пригоденъ для тушенія пожара въ закрытомъ, тѣсномъ пространствѣ. Существенную роль въ апаратѣ играетъ зарядъ, состоящій изъ порошка и особой кислой жидкости. Вещества эти, придя въ соприкосновеніе съ водою, заключающеюся въ приборѣ, вступаютъ между собою въ химическую реакцію, причемъ упругостью развивающихся газовъ выталкивается изъ прибора сильная струя воды, уносящая съ собою значительное количество угольной кислоты. Кромѣ того, въ составъ заряда входитъ глиноземъ, который при тушеніи образуетъ родъ огнеупорнаго стекла и, покрывая тонкимъ слоемъ потушенные предметы, мѣшаетъ ихъ новому загоранію. Самое заряжаніе прибора вмѣстѣ съ наполненіемъ его водою требуетъ не болѣе минуты времени; величина заряда зависитъ, конечно, отъ величины апарата. При опытахъ, производившихся въ прошломъ году въ Бельгіи, изо всѣхъ огнегасительныхъ приборовъ, бывшихъ на конкурсѣ, только экстинкторъ Баноласа удовлетворялъ требованіямъ програмы. Замкнутый и наполненный сухими деревянными стружками вагонъ, подожженный со стороны вѣтра и представлявшій пламя въ 10,000 кубич. футовъ, былъ потушенъ совершенно въ нѣсколько минутъ тремя зарядами переноснаго огнегасителя Баноласа. На парижской выставкѣ прошлаго года, на прибрежьи Жавель, тоже дѣлались испытанія надъ различными огнегасителями и здѣсь тоже экстинкторъ Баноласа признанъ вполнѣ удовлетворяющимъ своей цѣли. Бельгійское правительство снабдило этимъ приборомъ всѣ правительственныя зданія и даже музеи, такъ какъ жидкость экстинктора не портитъ даже картинъ и обоевъ. Если къ этимъ достоинствамъ прибора прибавить его незначительную стоимость, то изобрѣтенный Баноласомъ экстинкторъ самъ себя рекомендуетъ къ повсемѣстному употребленію.

Къ вопросу о пожарахъ, кстати будетъ прибавить новый фактъ самовозгаранія. Случаи самовозгаранія весьма нерѣдки и обусловливаются физическими и химическими процесами въ тѣлахъ, способныхъ къ самовозгаранію. Предметы часто загораются отъ тренія, отъ удара; сажа, сложенная въ кучу, негашеная известь, навозъ, загораются отъ развивающихся, вслѣдстіе разныхъ причинъ, химическихъ реакцій. Слѣдующій интересный случай самовозгаранія сообщенъ Коссономъ, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій парижской академіи наукъ. Работая въ своей лабораторіи, референтъ замѣтилъ, что горитъ полъ возлѣ отверстія калорифера, согрѣваемаго горячимъ воздухомъ изъ очага, расположеннаго далеко подъ поломъ. Такъ какъ это случалось еще раньше, то Коссонъ замѣнилъ въ этомъ мѣстѣ деревянный полъ мраморными плитами. Теперь же полъ загорѣлся возлѣ мрамора, хотя температура пола равнялась весьма невысокой температурѣ воздуха въ калориферѣ, т. е. около 20° Реом. Несмотря на это, прилегающій полъ подвергся медленному и постепенному обугливанію и, сдѣлавшись, вслѣдствіе этого, весьма пористымъ, началъ быстро поглощать кислородъ воздуха и согрѣлся такимъ образомъ, до воспламененія. Подтверждая сообщеніе Коссона, Файе сообщилъ, что подобное же воспламененіе стѣны возлѣ калориферлаго отверстія случилось недавно въ Пасси, въ домѣ одного изъ его знакомыхъ. Вотъ почему возможность самовозгаранія заслуживаетъ серьезнаго вниманія со стороны архитекторовъ, устраивающихъ въ домахъ отопленіе нагрѣтымъ воздухомъ.

Особенно важнымъ и многообѣщающимъ изобрѣтеніемъ послѣдняго времени слѣдуетъ считать изобрѣтенный Санлекомъ, изъ Арля, приборъ, служащій для телеграфической передачи фотографическихъ изображеній и названный изобрѣтателемъ телектроскопомъ. Апаратъ этотъ состоитъ изъ обыкновенной камеръ-обскуры съ матовой стеклянною пластинкою, причемъ въ фокусѣ получаются изображенія предметовъ, находящихся передъ камерой. Дѣятельность же апарата основывается на замѣчательномъ свойствѣ селена (химическій элементъ; металоидъ сѣрной группы) измѣнять свою сопротивляемость электрическому току подъ вліяніемъ лучей солнца. Ряды тонкихъ селеновыхъ иголокъ располагаются щеткообразно передъ матовымъ стекломъ камеръ-обскуры, а вся селеновая щетка введена въ замкнутую электрическую цѣпь, такъ что чрезъ эту щетку проходитъ рядъ токовъ; каждая селеновая щетинка получаетъ тѣмъ большее количество свѣтовыхъ лучей, чѣмъ болѣе освѣщена соотвѣтствующая ей точка стекла, а слѣдовательно сила тока, проходящаго чрезъ щетинку, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ мѣсто свѣтлѣе и наоборотъ. Обыкновенный телеграфный проводникъ передаетъ токи на пріемную станцію, гдѣ должна совершиться метаморфоза этихъ токовъ въ художественное изображеніе даннаго предмета. На пріемной станціи приходящіе со станціи отправленія токи дѣйствуютъ на электромагниты, которые, въ свою очередь, колеблютъ металическія пластинки, въ родѣ тѣхъ, какія устраиваются въ телефонахъ Белля; съ этими пластинками соединены заостренные графитовые стержни, которые участвуютъ въ вибраціи, вызванной токомъ въ металическихъ пластинкахъ. Сила дрожанія этихъ карандашей вполнѣ обусловливается силою тока и потому на бумагѣ, расположенной передъ карандашами, получаются ряды точекъ различной величины и интенсивности, сумма которыхъ воспроизведетъ изображеніе предмета, вполнѣ сходное съ изображеніемъ его на матовой пластинкѣ камеръ-обскуры на станціи отправленія. Если селеновое остріе будетъ быстро двигаться по освѣщенной поверхности, то токъ будетъ сильнѣе, электромагнитъ пріемнаго апарата будетъ сильнѣе притягивать къ себѣ желѣзную пластинку, а графитовое остріе

будетъ слабѣе нажимать на бумагу и давать слабыя или же вовсе незамѣтныя точки. Совершенно обратное дѣйствіе будетъ въ томъ случаѣ, если стеклянная пластинка въ камерѣ будетъ темною; сопротивленіе току въ селенѣ дѣлается больше, сила магнита слабѣетъ и карандашъ, сильнѣе нажимая бумагу, оставитъ болѣе черную точку. Изобрѣтатель надѣется устранить необходимость электромагнитовъ, но и при настоящемъ, правда, нѣсколько сложномъ устройствѣ, телектроскопъ является весьма важнымъ и остроумнымъ изобрѣтеніемъ въ области телеграфіи.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Иза.

Романъ А. Бувье.

(Продолженіе.)

Глава II.

Отчаяніе.

По окончаніи слѣдствія Морисъ Феранъ былъ перевезенъ въ Мазасъ. Бѣдняга сильно измѣнился; три мѣсяца тюремнаго заключенія отняли у него бодрость; невозможность защитить себя отъ несправедливаго обвиненія и слишкомъ явная пристрастность слѣдствія довели его до отчаянія. Онъ чувствовалъ, что погибъ; если бы даже онъ и объяснилъ теперь, какъ провелъ ночь на 20 іюня, ему бы не повѣрили. Тщетно искалъ онъ средства выпутаться изъ сѣтей, наброшенныхъ на него обвиненіемъ. Ночью на 20 іюня его видѣли съ женщиной, онъ отказывался назвать эту женщину, и обвиненіе рѣшило, что она была его сообщницей, что ей онъ передалъ бумаги, похищенныя у Леи Меданъ. Преступленіе было совершено посредствомъ спеціальнаго яда, подмѣшаннаго въ шампанское; онъ самъ признался, что тоже купилъ шампанское и отравилъ его такимъ же ядомъ для самоубійства. Обвиненіе отвѣчало ему, что если бы это было такъ и онъ принялъ отраву у себя дома, то пустыя бутылки нашлись бы въ его квартирѣ, а ихъ тамъ не оказалось; къ тому же шампанское, употребленное имъ для отравленія, новой марки и очень дорогое, мало употребительное въ томъ кварталѣ, гдѣ жилъ Морисъ, и находится здѣсь только въ одномъ погребѣ; одинъ только онъ въ этотъ день покупалъ это шампанское, слѣдовательно ошибка невозможна.

Морисъ не могъ не признать эти выводы обвиненія вполнѣ логичными, но не понималъ, какъ это случилось, что собрался цѣлый рядъ уликъ противъ него, и у него утвердилось мнѣніе, что все подтасовано, что свидѣтели показываютъ намѣренно ложь. Первое время онъ пробовалъ защищаться, но одиночное заключеніе отняло у него всякую энергію, лишило его мужества. Нерѣдко у него навертывались слезы и онъ плакалъ, какъ ребенокъ. Онъ часто думалъ о Сесили и эти думы только увеличивали горечь его положенія. Она — жена другого; она расточаетъ ласки этому другому, въ то время, какъ онъ, Морисъ, выноситъ страшныя страданія! На него находила безумная ревность и онъ готовъ былъ убить себя. Разъ онъ даже покушался на самоубійство, что дало поводъ обвиненію заключить, что онъ, зная за собой тяжкую вину и не имѣя мужества вынести судъ надъ собою, рѣшился покончить самоубійствомъ. Нѣсколько дней его поддерживала надежда на хорошій исходъ дѣла: слѣдователь сталъ обращаться съ нимъ очень мягко. Но вдругъ опять все измѣнилось.

— Феранъ, вамъ чистый расчетъ признаться во всемъ, сказалъ ему слѣдователь на послѣднемъ допросѣ;—этимъ вы облегчите свою участь; у насъ есть доказательства, что у васъ была сообщница. Скажите ея имя.

— Я не понимаю, чего вы отъ меня хотите... Повторяю, я невиненъ и у меня не можетъ быть сообщницы. Я вижу, какимъ-то необъяснимымъ для меня путемъ, противъ меня собралось множество фактовъ, но я невиненъ.

— А что вы скажете на счетъ этого письма, найденнаго въ вашемъ рабочемъ столѣ?

Увидя письмо Сесили, Феранъ вскричалъ горестнымъ тономъ:

— Ея письмо!

— Вотъ видите, сказалъ слѣдователь,—вы невольно выдали себя этимъ восклицаніемъ: «ея письмо!» Скажите имя этой женщины.

— Очень грустно, что вы нашли это письмо, но оно служитъ къ моему оправданію, объясняя вамъ то, чего я не имѣлъ права сказать.

— Вы все-таки продолжаете играть комедію. Вы надѣетесь, что скрытый смыслъ нѣкоторыхъ фразъ этого письма трудно будетъ разгадать. Ошибаетесь, мы отлично его поняли. Возьмите и прочтите.

Морисъ взялъ письмо. Видя, что многія буквы и слова стерты и прочитавъ оставшееся, онъ задрожалъ отъ ужаса и удивленія.

— Человѣкъ, уничтожившій намѣренно—что очевидно—слова и буквы въ этомъ письмѣ, совершилъ подлость, сказалъ Морисъ.

— Молчите; вамъ менѣе всего слѣдуетъ обвинять другихъ въ низости.

Молодой человѣкъ печально улыбнулся; онъ подумалъ, что судьба идетъ рѣшительно противъ него: находка этого письма могла спасти его безъ нарушенія имъ данной клятвы; между тѣмъ, какимъ-то необъяснимымъ образомъ, это письмо сдѣлалось главной уликой противъ него.

— И такъ, все кончено, сказалъ онъ рѣшительно;—я погибъ, но я останусь вѣренъ своему слову и она будетъ спасена.

— Слѣдовательно, вы признаетесь?

— Я ни въ чемъ не признаюсь и одному мнѣ только понятенъ смыслъ моихъ словъ. Что же мнѣ дѣлать, если люди, имѣющіе интересъ погубить меня, даютъ вамъ въ руки оружіе противъ котораго я не въ силахъ защититься. Исполняйте вашу обязанность, г. слѣдователь, обвиняйте меня, я рѣшился болѣе не отвѣчать ни слова. Я побѣжденъ, но, повторяю, я никогда не зналъ и не видалъ Леи Меданъ и невиновенъ въ томъ преступленіи, въ которомъ меня обвиняютъ.

— Мы знаемъ уже достаточно и вы можете молчать, если вамъ угодно. Но вы вправѣ расчитывать на снисхожденіе суда, сказавъ имя этой женщины.

— Мнѣ нечего болѣе говорить.

— Вы рѣшительно отказываетесь?

Морисъ пожалъ плечами и поднялъ глаза къ верху; Вершемонъ еще разъ потребовалъ имени женщины; Морисъ оставался нѣмъ. Тогда слѣдователь прочелъ ему его показаніе, оказавшееся въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Такъ вмѣсто словъ: «все кончено, я погибъ, но я останусь вѣренъ своему слову и она будетъ спасена»— было написано: «Кончено, вы знаете все, я погибъ; но я останусь вѣренъ своему слову, я ничего не скажу о ней и она будетъ спасена».

Это измѣненіе вызвало только улыбку и грустное покачиваніе головой со стороны Мориса и онъ, не говоря ни слова, подписалъ свое показаніе. Слѣдователь легко вздохнулъ, точно хотѣлъ сказать: «наконецъ это дѣло кончено и я свободенъ», и подписалъ приказъ о переводѣ Ферана въ Мазасъ.

Сидя въ тюремной каретѣ, перевозящей его въ Мазасъ, Морисъ думалъ о своемъ положеніи. Онъ не сомнѣвался, что погибъ окончательно и тщетно искалъ, кто этотъ врагъ его, такъ коварно передѣлавшій письмо. Тутъ ему припомнилось, что его между прочимъ допрашивали объ исчезнувшихъ документахъ политическаго характера и онъ рѣшилъ, что, вѣроятно, нашли необходимымъ замѣнить лицо, совершившее преступленіе для овладѣнія этими бумагами, и избрали его, бобыля, неимѣющаго ни семьи, ни виднаго положенія въ свѣтѣ. Конечно, онъ былъ заранѣе обвиненъ и судъ будетъ только соблюденіемъ простой формальности.

Придя къ такимъ выводамъ, Морисъ фаталистически успокоился; теперь его озабочивала только сестра, оставшаяся одна, безъ друзей, безъ поддержки. Постоянно мысль о ней угнетала его въ его непривѣтливой тюрьмѣ въ Мазасѣ. Но послѣ покушенія на самоубійство, о которомъ мы уже говорили, вызвавшемъ усиленіе надзора за нимъ, онъ впалъ почти въ апатію.

Молодой адвокатъ, назначенный судомъ для защиты Мориса, прочитавъ слѣдственное дѣло, вынесъ убѣжденіе въ полной виновности своего кліента, такъ что ему оставалось только добиваться «смягчающихъ обстоятельствъ». Но свиданіе съ Морисомъ пошатнуло утвердившееся въ немъ убѣжденіе. Морисъ твердо заявилъ, что не желаетъ никакихъ смягченій, а только одной истины.

— Систему защиты предоставьте выработать мнѣ, сказалъ адвокатъ, — но не забывайте, что адвокатъ тотъ же духовникъ, и сообщите мнѣ всю правду, не скрывая ни малѣйшей подробности.

— Правда въ томъ, что я невиненъ. Ночь на 20 іюня я провелъ у себя въ квартирѣ, одинъ или съ кѣмъ-нибудь, я не хочу этого сказать, но не выходилъ изъ своей комнаты. Я купилъ двѣ бутылки шампанскаго, отравилъ вино въ обѣихъ, а не въ одной только, и выпилъ отравленное вино. Какъ случилось, что мои пустыя бутылки очутились въ квартирѣ убитой, я объяснить себѣ не могу. Увѣряю, васъ, что я невиновенъ во взводимомъ на меня преступленіи.

— Вы дѣлаете большую ошибку, избравъ эту систему.

— Это вовсе не система! вскричалъ Морисъ, заливаясь слезами.—Не знаю, за кого я долженъ пострадать, но вижу, что я погибъ... Если вы не въ состояніи будете спасти мою жизнь, умоляю васъ, убѣдитесь въ моей невиновности и до конца настаивайте, что я невиновенъ.

Адвокатъ былъ растроганъ; онъ спросилъ Мориса объ его семьѣ, надѣясь, что вліяніе родныхъ поможетъ ему вырвать у обвиняемаго тайну, тщательно имъ скрываемую. Бѣдняга отвѣчалъ, что у него есть только одна сестра и попросилъ адвоката узнать, что съ нею сталось; адвокатъ охотно обѣщалъ исполнить это порученіе и удалился, давъ себѣ слово съ полнымъ вниманіемъ заняться защитой несчастнаго.

Свиданіе съ адвокатомъ произвело тяжелое впечатлѣніе на Мориса, такъ какъ его мнѣніе онъ счелъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія. И такъ, его считали убійцей. Весь этотъ день, забившись въ уголъ своей кельи, онъ сидѣлъ понуря голову и, временами, всхлипывалъ.

Если бы еще онъ могъ имѣть сношенія съ внѣшнимъ міромъ, знать, что дѣлаютъ близкіе ему люди! Но таинственныя подробности преступленія побудили слѣдователя принять мѣры къ сохраненію строгой тайны; найденное письмо, долженствующее служить главной уликой, показывало, въ какомъ состояніи находится сообщница Мориса; слѣдователь надѣялся, что полное одиночество заставитъ Ферана заговорить и онъ сдѣлаетъ признаніе.

Морисъ, привыкшій уже къ совершенной разобщенности своей съ внѣшнимъ міромъ, былъ крайне удивленъ, когда, вечеромъ, тюремщикъ, вмѣстѣ съ ужиномъ, подалъ ему письмо. Заинтересовавшійся своимъ кліентомъ, адвокатъ выхлопоталъ, чтобы строгость тайны была нѣсколько умѣрена: Морису было разрѣшено посылать и получать письма, конечно, подъ условіемъ, чтобы письма предварительно прочитывались слѣдователемъ, но свиданія ему не были разрѣшены.

КАРТИНА ВАЛЬКЕРА.

Возвращеніе съ поля.

Рѣзано на деревѣ съ фотографіи въ ксилограф. заведеніи **А. А. Шлиппера.**

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ШЮЦЕНБЕРГЕРА.

Перевозчица на Рейнѣ.

Рѣзано на деревѣ съ фотографіи въ ксилогр. завед. **А. А. Шлиппера.**

Переданное ему письмо, судя по обозначенному на немъ числу, было получено уже нѣсколько дней тому назадъ. Можно судить объ его радости! Съ лихорадочной поспѣшностью онъ развернулъ это письмо, отъ его сестры, и также быстро прочелъ его.

«Мой бѣдный, нѣжно-любимый братъ, писала она,—ты несчастливъ и мы тщетно ищемъ средство утѣшить тебя. Мы знаемъ, что ты невиненъ и отыскиваемъ доказательства. Не падай духомъ. Ты честенъ и трудолюбивъ и невозможно, чтобы ты сталъ жертвой такого ужаснаго обвиненія. Говорятъ, ты отказываешься объяснить, какъ провелъ время въ ночь, когда совершилось преступленіе. Почему ты не хочешь сказать имени женщины, съ которою тебя видѣли въ этотъ вечеръ? Твои друзья сказали мнѣ, что, можетъ быть, ты имѣлъ связь съ замужней женщиной и молчишь, не желая подвергнуть ее скандалу. Они не знаютъ, что у тебя была одна любовь въ сердцѣ, и что не могъ ты, рѣшившійся пожертвовать жизнью потому, что она не могла выйти за тебя замужъ, — не могъ ты въ такую минуту находиться въ связи съ другою женщиной... У меня и теперь проносится въ памяти то ужасное утро, когда я нашла тебя умирающимъ, и никакихъ непріятностей не вышло бы, если бы мы тогда не уѣхали въ деревню... Знаешь-ли ты, что мужъ Сесиль, Андре Гударъ, арестованъ по обвиненію... (здѣсь нѣсколько словъ было зачеркнуто) Сесиль вернулась къ своимъ родителямъ и намѣрена просить о разлученіи ея съ мужемъ. Она постоянно думаетъ о тебѣ; мы безпрестанно говоримъ о тебѣ; ты понимаешь, что въ ея положеніи, она страшится... (тутъ опять были вычеркнуты двѣ строки) Вѣрь, милый братъ, что твоя невинность будетъ непремѣнно признана. Обо мнѣ не тревожься. Сесиль очень добра ко мнѣ, я не нуждаюсь ни въ чемъ и не утомляю себя излишней работой. Не унывай, мы скоро увидимся. Прошу тебя, сообщи мнѣ имя женщины, съ которой тебя видѣли; я схожу къ ней и все будетъ спасено. Ей безпокоиться нечего; мнѣ говорили, что если въ подобныхъ дѣлахъ компрометируется честь женщины, то судъ строго сохраняетъ тайну. Милый братъ, слѣдователь говорилъ мнѣ, что если ты разскажешь, какъ провелъ эту ночь, не останется уже никакого сомнѣнія въ твоей невинности. Не слѣдуетъ ради любовницы жертвовать своей жизнью, своей честью. Твоя, наша честь стоятъ чести этой женщины и очень плохое доказательство своей любви даетъ она тебѣ, если, изъ опасенія потерять свое спокойное положеніе, допускаетъ, чтобы тебя, невиннаго, обвиняли въ ужасномъ преступленіи. Будь разсудителенъ; тебя проситъ объ этомъ твоя Мели. Рѣшайся же, милый братъ; назови эту женщину, ты не совершишь безчестнаго поступка, вѣдь дѣло идетъ о твоей жизни, о твоей чести».

Морисъ цѣловалъ это письмо и нѣсколько разъ перечитывалъ его. Бѣдная, милая Амели, всѣ мысли ея были о немъ, о ея братѣ! Пріятно ему было также узнать о разводѣ Сесили съ мужемъ. Письмо было написано давно, еще въ то время, когда слѣдователь подавалъ надежду на скорое освобожденіе Мориса. Но одно мѣсто въ письмѣ произвело грустное впечатлѣніе на Мориса: оно отвѣчало на нерѣдко тревожащія его думы. Это отъ словъ: "Не слѣдуетъ ради любовницы..." и кончая: «тебя, невиннаго, обвиняли въ ужасномъ преступленіи».

«Правда, логично, думалъ Морисъ. — Амели ежедневно видится съ Сесилью и, вѣроятно, сообщила ей о своемъ письмѣ ко мнѣ. Сесиль ничего не говоритъ; она допускаетъ обвинять меня въ возмутительномъ преступленіи и она не можетъ привести въ свое извиненіе, что боится довести до отчаянія своего мужа, потому что разошлась съ нимъ...»

Въ отчаяніи онъ опустилъ свою голову и сказалъ вслухъ:

— Я не считалъ ее способной на это... но я сдержу свое слово.

Онъ спросилъ бумаги и написалъ короткое письмо къ Амели, полное братской нѣжности; желая успокоить ее, онъ увѣрялъ, что не сомнѣвается въ своемъ оправданіи. Онъ просилъ ее во всемъ совѣтоваться съ Сесилью, показывать ей свои и его письма и спросить ее, чтобы она сдѣлала въ такихъ обстоятельствахъ, о которыхъ Амели говоритъ въ концѣ своего письма къ нему. Онъ расчитывалъ, что Сесиль пойметъ, что ей слѣдуетъ дѣлать. Написавъ письмо и передавъ его тюремщику, Морисъ нѣсколько успокоился.

На слѣдующій день онъ получилъ коротенькую записку отъ Амели. Она увѣдомляла, что послѣ отправленія ея письма, Сесиль сильно заболѣла; восемь дней лежитъ въ кровати и докторъ почти потерялъ надежду на ея спасеніе. «Помолись за нее», заключила свое письмо Амели. Морисъ былъ ошеломленъ; единственное свидѣтельство, которое могло спасти его, становилось теперь невозможнымъ; умирало существо, ради спокойствія котораго онъ жертвовалъ своей жизнью.

— Надо молиться за нее и за меня! вскричалъ онъ съ отчаяніемъ.—Я погибъ.

Но оставимъ Мориса и возвратимся къ Изѣ, виновницѣ его страданій. Читатели припомнятъ, что агентъ Бойе получилъ записку безъ подписи, которой его приглашали быть въ тотъ же вечеръ на площади Согласія. Онъ уже хотѣлъ идти туда, когда получилъ вторую записку; его просили не безпокоиться ходить на свиданіе и ожидать новаго извѣщенія.

Обѣ эти записки были писаны подъ диктовку Изы. Пересматривая слѣдственное дѣло, она узнала, что первое дознаніе производилъ агентъ Бойе и что добытые имъ факты побудили слѣдователя отдать приказъ объ арестованіи Мориса Ферана. Слѣдовательно, надо было устроить такъ, чтобы Бойе по прежнему производилъ дознаніе. Узнавъ, что Бойе уже болѣе не сыщикъ, Иза не измѣнила своего намѣренія: Бойе будетъ производить дознаніе неофиціально, а она уже съумѣетъ воспользоваться добытыми имъ фактами. Вотъ почему она послала Бойе записку, приглашавшую его на свиданіе.

Иза никакъ не ожидала, что Вершемонъ такъ скоро сдастся и возвратитъ свободу Гудару. Теперь Бойе былъ ей пока ненуженъ, и она отмѣнила свиданіе. Но освобожденіе Гудара еще не было окончаніемъ дѣла; необходимъ былъ виновный, котораго бы судили и осудили; уликъ противъ Мориса могло бы оказаться недостаточно и могло снова начаться слѣдствіе, чего Изѣ, по основательнымъ причинамъ, не хотѣлось; тогда опять явится нужда въ Бойе и его предупредили, что будетъ новое извѣщеніе. Бойе нетерпѣливо сталъ ожидать третьяго письма и оно наконецъ пришло.

Конечно, письмо было отъ Изы. Переселясь въ домъ, купленный для нея Вершемономъ, Иза жила въ немъ точно плѣнница; она не могла отлучиться ни на минуту, потому что Оскаръ первые дни, ни днемъ, ни ночью, никуда не выходилъ. Наконецъ, ей удалось ускользнуть на часокъ и она отправилась къ своей бывшей горничной, Жюстинѣ, поселившейся рядомъ, въ гостинницѣ. Отъ нея она узнала, что какіе-то странные люди приходили расправшивать привратницу; что заходилъ также Гударъ и очень удивлялся, узнавъ, что Иза исчезла. Освѣдомившись отъ привратницы объ адресѣ Жюстины, онъ прислалъ ей письмо для передачи Изѣ. Прочтя его, Иза сильно встревожилась и тотчасъ написала два письма: одно къ Бойе, другое къ Гудару. Обоимъ Иза назначала свиданіе.

Перевезя прелестную молдаванку въ новый домъ, Вершемонъ поставилъ условіемъ, чтобы и вся прислуга, безъ исключенія, была новая. Иза сперва согласилась на это безъ возраженій, но про себя рѣшила, что вскорѣ потребуетъ возвращенія Жюстины, которая была ея повѣренной, совѣтчицей, наконецъ, сообщницей. Иза, подъ диктовку Оскара, написала своей бывшей прислугѣ отказъ, но тайно успѣла послать Жюстинѣ записку, предупреждавшую ее, чтобы она, лично для себя, принимала офиціальный отказъ временнымъ, такъ какъ она вскорѣ опять поступитъ на прежнее мѣсто. Жюстина, по желанію Изы, поселилась рядомъ съ домомъ, принадлежавшимъ ея госпожѣ. Уже на другое утро по переселеніи, Иза стала жаловаться, что новая горничная не умѣетъ одѣвать ее и не скоро освоится съ ея привычками. Иза грустно вздохнула и пожалѣла о Жюстинѣ. Каждый день она находила случай ввернуть слово-другое о своей бывшей горничной, и Вершемонъ, мало-по-малу, примирялся съ необходимостью снова пригласить Жюстину для услугъ своей дорогой любовницѣ. Иза еще разъ видѣлась тайкомъ съ своей наперстницей и та сообщила ей, что черезъ четыре дня произойдетъ продажа съ аукціоннаго торга ея имущества на удовлетвореніе ея кредиторовъ.

— Ты не забыла, что я просила тебя сдѣлать относительно бюро? спросила Иза.

— Я говорила съ Буларомъ, отвѣчала Жюстина:—онъ обѣщалъ купить, хотя бы пришлось заплатить очень крупную сумму.

— Надо, чтобы ты была при продажѣ, иначе можетъ произойти ошибка.

— Не безпокойтесь, все будетъ сдѣлано.

— Когда онъ купитъ, то пусть на другой день выставитъ у себя, у двери, вмѣстѣ съ другими вещами.

— И это я ему передала.

— Предупреждала-ли ты привратницу, чтобы получаемыя на моя имя письма, передавались тебѣ?

— Я показала вашу довѣренность и ей и на почтѣ; тамъ сказали, что такой довѣренности достаточно.

— Постараюсь увидѣться съ тобою черезъ два дня, если мнѣ удастся ускользнуть.

— Какъ должна надоѣсть вамъ такая жизнь!

— Она уже надоѣла мнѣ до тошноты.

Простившись съ своей горничной и сѣвъ въ карету, Иза думала: «Да, такая жизнь тяжела, но что же дѣлать, надо выносить ее до окончанія суда... А этотъ глупецъ хочетъ остаться въ Парижѣ, онъ непремѣнно снова попадется. Во-что-бы то ни стало я должна сегодня же убѣдить его оставить Парижъ».

Проѣзжая мимо своей прежней квартиры, Иза откинулась въ глубину кареты, но все-таки видѣла, что какой-то человѣкъ внимательно читалъ объявленіе «о продажѣ имущества вдовы графини Изы Зинтской и пр.

Иза улыбнулась и складки на ея лбу разгладились; но она навѣрное задрожала бы, еслибъ знала человѣка, читавшаго объявленіе. Это былъ агентъ Гюре, наканунѣ еще сказавшій Амели, которая плакала, узнавъ, что ея брата надняхъ будутъ судить:

— Громъ и молнія! не плачьте! Даю вамъ слово, мы непремѣнно спасемъ его.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Самарская ярмарка. Рисунокъ Н. Т. Малышева передаетъ разныя сцены продажи лошадей, разные типы торговцевъ и покупателей, встрѣчающіеся на нашей извѣстной ярмаркѣ

въ Самарѣ. Тутъ вы видите и татарскія, и калмыцкія, и цыганскія, и русскія лица, и халаты, и поддевки, и своеобразные арканы, и телѣги внизу на берегу рѣки, и шалашъ на землѣ, и домъ на баркѣ... Этотъ набросокъ нашего сотрудника служитъ какъ бы вступленіемъ къ цѣлому ряду рисунковъ, долженствующихъ иллюстрировать статьи С. С. Шашкова «Народы Россіи». Первые два рисунка къ «Народамъ Россіи» мы помѣщаемъ въ настоящемъ нумерѣ. Объяснять ихъ намъ нечего, такъ какъ С. С. Шашковъ касается въ своихъ статьяхъ всѣхъ этихъ народовъ и народцевъ.

Возвращеніе съ поля и Перевозчица на Рейнѣ. Мы помѣщаемъ рядомъ копіи съ картинъ Валькера и Шюценбергера, такъ какъ эти картины составляютъ какъ бы панданъ одна къ другой. И эти женщины, возвращающіяся на лошадяхъ и въ бродъ съ тяжелой полевой работы, и эта мускулистая и красивая дѣвушка съ весломъ въ рукахъ, переѣзжающая на лодкѣ и добывающая этимъ промысломъ нѣсколько лишнихъ грошей, — являются однородными типами простого трудящагося люда. Эти женщины, эти бабы работаютъ не меньше и не хуже мужчинъ; онѣ выносливы и здоровы, онѣ смѣлы и бойки; на нихъ часто лежитъ вся семья, вся работа, тогда какъ ихъ братья дослуживаютъ лучшіе годы гдѣ-нибудь въ полку, тогда какъ ихъ мужья, болѣе ихъ цивилизованные и болѣе ихъ испорченные, полѣниваются и стремятся больше къ пивной, чѣмъ къ полю. Отъ такихъ картинъ вѣетъ свѣжимъ воздухомъ и здоровымъ духомъ.

Смѣсь.

— **Калѣка** (Разсказъ Ж. Мальяра). Станціи желѣзныхъ дорогъ, вообще, нагоняютъ скуку, но въ Бельгіи онѣ имѣютъ какой-то особенно мрачный отпечатокъ. Скука тамъ царитъ смертельная; полотно дороги покрыто черною пылью, постройки отвратительны, служащіе молчаливы, дебаркадеры безлюдны. Нигдѣ я не встрѣчалъ мѣста, наводящаго такую скуку, какъ маленькая станція въ Бельгіи. Года 4 назадъ, мнѣ случилось быть въ Бельгіи. Я возвращался изъ Валансьена. По ошибкѣ, я попалъ не на тотъ поѣздъ и долженъ былъ выйти на маленькой станціи и 4 часа ждать другого поѣзда. Я очень скоро насладился всѣми прелестями мѣстности и съ отчаяніемъ подумывалъ, что мнѣ остается ждать еще $3\frac{1}{2}$ часа. Въ отвратительномъ настроеніи духа ходилъ я по дебаркадеру, какъ вдругъ замѣтилъ одного изъ служащихъ на желѣзной дорогѣ, сидѣвшаго на скамьѣ и мрачно курившаго трубку. На видъ ему было около 30 лѣтъ; черты лица были правильны, выраженіе серьезное и грустное; грусть его я объяснилъ себѣ тѣмъ, что несчастный былъ страшно искалѣченъ: у него не было правой ноги и лѣвой руки. Мы были одни, онъ видимо скучалъ, также какъ и я. Ничто такъ не сближаетъ людей, какъ скука. Росписаніе поѣздовъ послужило намъ предлогомъ завязать разговоръ и мы разговорились. Я предложилъ ему стаканъ вина, но онъ вѣжливо отказался. Я спросилъ его, жертвою какого несчастія былъ онъ, и вотъ что разсказалъ онъ мнѣ: «Моя исторія коротка, но очень печальна. Мнѣ 30 лѣтъ и уже 3 года, какъ я несчастнымъ калѣкой влачу на этомъ дебаркадерѣ остатки моего тѣла и даже сердца, потому что я лишился не только половины моихъ членовъ, но и половины моей жизни. Три года тому назадъ, я былъ оберъ-кондукторомъ на поѣздѣ. Я служу на этой желѣзной дорогѣ съ 20-лѣтняго возраста; 25 лѣтъ я женился по любви на красивой дѣвушкѣ. Жена подарила мнѣ дочь. Я любилъ жену, обожалъ малютку, былъ на хорошемъ счету по службѣ, семья жила въ довольствѣ и, право, я былъ такъ счастливъ, что иногда мнѣ вдругъ становилось страшно: «я слишкомъ счастливъ, думалъ я, такъ не можетъ продолжаться, со мной непремѣнно случится какое-нибудь несчастье!» Предчувствіе не обмануло меня. Жена моя, всегда очень веселая, вдругъ измѣнилась. Бывало, когда я возвращался со службы, она всегда бросалась ко мнѣ на шею, страстно цѣловала, сажала мнѣ на руки нашу маленькую Марію, о, это было верхомъ блаженства. Извините меня, слезы подступаютъ къ моимъ глазамъ, когда я вспомню объ этомъ времени. Глупо, когда мужчина плачетъ, но я не въ силахъ удержаться. Потомъ, по возвращеніи, я уже находилъ жену печальной, какъ-будто ее постигло какое-то горе. Она не выбѣгала ко мнѣ на встрѣчу, сидѣла молча, неподвижно, точно не узнавала меня; она смотрѣла на меня своими большими глазами и когда я становился на колѣни и, обнявъ ее, спрашивалъ: «Что съ тобою, Марія? Кто обидѣлъ тебя?» она качала головой и ничего не отвѣчала. Былъ только одинъ способъ привести ее въ себя: я бралъ нашу дочь и тихонько клалъ малютку къ ней на колѣни; тогда чувство матери брало верхъ; ея лицо прояснялось, она улыбалась и нѣжно цѣловала и дочь и отца. Послѣ я узналъ объясненіе этихъ припадковъ грусти; въ ней происходило что-то ужасное, а я и не подозрѣвалъ ничего. Да и какъ могъ я догадаться: я не врачъ, не ученый. Однажды, слушайте, это ужасно, я возвращался съ поѣзда. Предчувствіе чего-то недобраго волновало меня. Было 11 часовъ вечера. Я отперъ дверь дома ключемъ, который носилъ съ собой, и вбѣжалъ наверхъ. Я услыхалъ смѣхъ жены. «Слава Богу, подумалъ я, все благополучно, но отчего она такъ смѣется?» Я отворилъ дверь... О! что я увидалъ! Эта ужасная картина грезится мнѣ каждую ночь. Жена моя сидѣла предъ каминомъ и держала на колѣняхъ нашу дочь, совсѣмъ нагую. Она сняла съ малютки рубашку и знаете-ли, что она дѣлала? Она затягивала шнурокъ, обмотанный кругомъ шеи ребенка и громко пѣла. Бѣдная дѣвочка лежала, вытянувшись, съ посинѣвшимъ лицомъ; она была задавлена, а ея мать распѣвала, совершая это преступленіе. Несчастная сошла съума! она убила нашего ребенка! Я не могу вамъ разсказать, что произошло потомъ, я думалъ, что я тоже схожу съума. Я бросился на нее, вырвалъ у нея трупъ ребенка, а она смотрѣла на меня своимъ пристальнымъ взглядомъ, отъ котораго холодѣла у меня кровь. «Да, да, она умерла; это я сдѣлала, да, я», и она заливалась смѣхомъ, продолжая дѣлать рукой движеніе, которымъ она давила ребенка. Что я говорилъ, что я дѣлалъ— не знаю, я помню только, какъ на мой крикъ сбѣжались сосѣди, увели меня, а я все не выпускалъ изъ рукъ тѣло моей задавленной дочери. Я ударилъ мою бѣдную жену,—ее, которую я такъ обожалъ. Я ударилъ ее кулакомъ въ лицо и она упала, обливаясь кровью. Я тоже въ ту минуту былъ сумасшедшимъ». Несчастный замолкъ, онъ плакалъ. Мнѣ тоже было жутко отъ его разсказа. Наконецъ, онъ успокоился и продолжалъ: «Марія сошла съума, въ этомъ не могло быть сомнѣнія, ея ужасное преступленіе доказывало страшную истину. Она сошла съума! Я получилъ приказъ отъ полиціи свезти ее въ домъ умалишенныхъ, близъ Брюселя. Мнѣ хотѣлось оставить ее у себя, самому ухаживать за нею. «Я вылечу ее», думалъ я. Мнѣ этого не позволили, особенно въ виду того, что я, по должности, безпрестанно въ разъѣздахъ, а ее нельзя было бы оставить одну ни на минуту. Я долженъ былъ согласиться помѣстить ее въ домъ умалишенныхъ, но заявилъ, что самъ свезу ее туда. Я считалъ своимъ долгомъ дать ей это послѣднее доказательство моей любви и мнѣ не хотѣлось никому довѣрить это грустное дѣло. Начальство предоставило въ мое распоряженіе для этого печальнаго путешествія цѣлое отдѣленіе вагона. Мы отправились. Марія очень покойно вошла въ вагонъ. Поѣздъ тронулся. Я сидѣлъ рядомъ съ нею, обнявъ ее одной рукой за талью, скорѣе изъ любви, чѣмъ изъ предосторожности. Подумайте только! Любить женщину, сидѣть рядомъ съ нею и думать: «Существо, составлявшее часть твоей жизни не существуетъ болѣе. Это движущійся трупъ. Разума въ немъ нѣтъ. Смерть коснулась мозга той, для которой ты былъ все—теперь ты для нея ничто, и она, она—твоя жизнь, твоя радость, она тоже ничто. Ты ужь больше не мужъ, не отецъ, у тебя нѣтъ ни жены, ни ребенка. Старайся же теперь быть человѣкомъ и неси свой крестъ до конца. Не плачь, будь твердъ, иначе она можетъ увидать твои слезы и, можетъ быть, догадается, какъ ты страдаешь». Поѣздъ летѣлъ. Она была покойна, ничего не говорила, но улыбалась, какъ въ первые дни нашей любви. Она безпечно смотрѣла на дорогу. Я же съ сердцемъ, обливавшимся кровью, глядѣлъ на нее, обнявъ ее за талью и мысленно считалъ километры, приближавшіе насъ къ роковому дому. Я заговаривалъ съ нею, цѣловалъ ее. Увы! она не видала и не слыхала меня. О, что это было за путешествіе! Я зналъ дорогу, такъ какъ сотни разъ ѣзжалъ по ней, но никогда она не казалась мнѣ такой мрачной и смертельно грустной. Пріѣхали въ Манъ, нашъ вагонъ прицѣпили къ поѣзду, отправлявшемуся прямо въ Брюсель и мы снова пустились въ путь. «Черезъ часъ все будетъ кончено, думалъ я, Марія будетъ заперта, я ее больше не увижу». И инстинктивно я прижималъ бѣдную съумасшедшую къ сердцу. Никогда не казалась мнѣ она такою красавицей, и никогда не любилъ я ее такъ, какъ въ эти минуты. Мы пріѣхали въ Бренъ, вы знаете, гдѣ большой тоннель. Поѣздъ, свистя, въѣхалъ въ него. Тамъ было темно и сыро, а я замѣтилъ, что Марія кашляла. Окно было отперто съ моей стороны; я боялся простудить мою больную и всталъ, чтобъ запереть его. Вдругъ я услышалъ крикъ. Жена моя, воспользовавшись тѣмъ, что я оставилъ ее, бросилась къ противоположному окну, отперла дверцу вагона и высунулась изъ него. Я бросаюсь къ ней, хватаю ее за талью, она вырывается и увлекаетъ меня за собою. Я падаю вмѣстѣ съ нею, чувствую сильный толчекъ, страшную боль, слышу крикъ среди адскаго шума поѣзда, пронесшагося надъ моей головой... тутъ я потерялъ сознаніе. Меня подняли часъ спустя съ оторванной рукой и со сломанной ногой. Моя жена... она была неузнаваема. Колесо вагона проѣхало по ея лицу... Вотъ вамъ моя исторія. Я былъ искалѣченъ, продолжать моей службы я не могъ, начальство сжалилось надо мной, меня назначили при семафорѣ, оставшеюся рукою я въ состояніи подавать телеграфные сигналы... Вотъ уже 3 года, какъ я живу такъ». Мы услышали свистокъ. «Вотъ вашъ поѣздъ, сказалъ онъ.— Прощайте, счастливаго пути. Вотъ пустое отдѣленіе, войдите». Я вошелъ въ вагонъ. Калѣка, стоя на дебаркадерѣ, сдѣлалъ мнѣ прощальный жестъ своей единственной рукой и поѣздъ тронулся. Мѣсяцъ спустя, я проѣзжалъ черезъ эту же станцію. Калѣки тамъ болѣе не было. Онъ умеръ.

— **Ребенокъ поджигатель.** «Оренбургскій листокъ» сообщаетъ, что 10 іюня, въ десять часовъ утра, оренбуржцы были сильно перепуганы вспыхнувшимъ пожаромъ въ домѣ г. Князева, что по Атаманскому переулку, рядомъ съ домомъ г. Шотта, тѣмъ болѣе, что вѣтеръ опять дулъ съ юго-запада, сильно угрожая тѣсной уцѣлѣвшей еще отъ пожаровъ части города. Однако, дружныя усилія командъ быстро потушили огонь, хотя прекрасный только-что отстроенный домъ съ мезониномъ лишился крыши, коридоровъ и внутреннихъ перегородокъ, а также потолка въ мезонинѣ. Всего болѣе публика интересовалась причиною пожара. Оказалось, что поджогъ учиненъ крошкою, мальчикомъ лѣтъ 9—10, сыномъ какого-то фельдшера Бушуева, живущаго на томъ же дворѣ при военной аптекѣ. Еще наканунѣ этотъ мальчикъ пробовалъ поджечь стружки въ сараѣ, но ему не удалось. Выпущенный изъ полиціи на поруки отца мальчикъ на другой же день поджогъ тесовое крыльцо дома и убѣжалъ со двора. Его, конечно, розыскали, но до сихъ поръ изъ путаницы, какую несетъ обвиняемый, нельзя добраться, что собственно побудило его сдѣлать поджогъ.

— **Находчивый машинистъ.** Газета «Новороссійскій Телеграфъ» говоритъ что «на дняхъ въ совѣтѣ правленія общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ состоялось постановленіе о назначеніи награды машинисту Жулинскому въ размѣрѣ 100 руб. за спасеніе погибавшихъ вагоновъ одеской желѣзной дороги. Назначеніе награды вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ: 26 мая, за Тираспольскою заставою, на станціи

№ 1, свирѣпствовавшая въ то время буря подхватила нѣсколько пустыхъ вагоновъ и понесла по полотну дороги; скорость бѣга по мѣрѣ дальнѣйшаго движенія вагоновъ постепенно увеличивалась, благодаря сильному уклону полотна. Стоявшій на сосѣднемъ пути машинистъ Жулинскій, замѣтивъ это, немедленно далъ ходъ бывшему въ его распоряженіи локомотиву и употребилъ всѣ старанія, чтобъ забѣжать впередъ: чрезъ нѣсколько минутъ планъ машиниста увѣнчался успѣхомъ. Потомъ Жулинскій достигъ того, что подбѣжавшіе къ локомотиву вагоны, хотя и дали чувствительный толчекъ, но никакого вреда не причинили, а послѣдовавшій потомъ постепенный контръ-паръ совершенно остановилъ вагоны. Точно такой же случай и на томъ же мѣстѣ былъ нѣсколько лѣтъ назадъ, кончившійся тѣмъ, что нѣсколько вагоновъ было разбито въ дребезги».

— **Женщина-священникъ.** Дѣвица Анна Оливеръ, окончившая курсъ наукъ на теологическомъ факультетѣ бостонскаго университета, получила назначеніе священника при церкви методистовъ въ Нью-Іоркѣ. Произнесенная ею при большомъ стеченіи народа проповѣдь, очень понравилась, какъ вообще вся ея симпатичная наружность располагаетъ въ ея пользу. Впрочемъ женщина-священникъ не новость. Методисты давно уже допустили женщину къ публичной проповѣди слова Божія и уже многія женщины прославились, какъ замѣчательныя проповѣдницы.

— **Женскій клубъ.** Артистки трехъ французскихъ театровъ («Gimnase», «Vaudeville», и «Palais Royal») образовали оригинальный клубъ, подъ фирмою «Клубъ насмѣшницъ». Члены клуба разъ въ мѣсяцъ собираются обѣдать. Мужчины безусловно исключены, о нихъ дозволено говорить только для того, чтобы порицать и клеймить ихъ недостатки и пороки. О серьезныхъ дѣлахъ говорить воспрещается; все должно быть представляемо въ смѣшномъ видѣ; на жизнь должны члены клуба смотрѣть только черезъ розовую призму.

— **Загадочное самоубійство.** Въ Рязани одна очень молодая и красивая женщина, супруга дѣлопроизводителя канцеляріи орденскаго драгунскаго полка, застрѣлилась изъ револьвера. Покойная—уроженка западныхъ губерній, какъ говорятъ, пользовалась всѣми земными благами: красотою, прекраснымъ состояніемъ и жила въ полномъ согласіи съ своимъ мужемъ. 18 іюня, во время отлучки мужа, она удалила изъ дома всю свою прислугу и, нарядившись въ изящное платье, въ браслеты, и пр., выстрѣлила изъ револьвера въ високъ. Смерть была моментальная. Дальнѣйшія подробности пока неизвѣстны.

— **Дочь Лолы Монтесъ.** Въ штатѣ Георгія (въ Сѣверной Америкѣ) появилась эксцентричная дама замѣчательной красоты и необыкновенной развязности, называющая себя дочерью извѣстной танцовщицы и авантюристки Лолы Монтесъ, пріобрѣвшей всемірную извѣстность какъ графиня Ландсфельдъ, вызвавшая революцію въ Баваріи. Авантюристка, появившаяся нынѣ въ Америкѣ подъ именемъ графини Ландсфельдъ, увѣряетъ, что она дочь Лолы Монтесъ и баварскаго короля Людвига I. Она прибыла въ Соединенные штаты, какъ увѣряетъ, съ цѣлью устроить крестовый походъ противъ католицизма.

— **Средство отъ золотухи.** Священникъ бугурусланскаго уѣзда Грекуловъ прислалъ въ «Сынъ Отечества» слѣдующую замѣтку: Кто живетъ среди сельскаго населенія, тотъ по опыту знаетъ, какъ много дѣтей страдаютъ отъ золотухи. Эта болѣзнь то покрываетъ всю голову, а иногда и лицо младенца сплошнымъ струпомъ въ видѣ коры, то выходитъ въ видѣ шишекъ, которыя какъ будто лупятся, то поражаетъ глаза, давая себя знать прыщами на рѣсницахъ. Сельскіе жители прибѣгаютъ къ всевозможнымъ средствамъ для излеченія золотухи, но вмѣсто пользы причиняютъ вредъ больному. Большею частію они кормятъ дѣтей паталью (очищенная мѣдь), которую называютъ сусальскимъ золотомъ. Иногда намазываютъ золотушный струпъ, чѣмъ попало,—даже дегтемъ и препятствуютъ болѣзни пробиться наружу, послѣдствіемъ чего бываетъ истеченіе изъ ушей, сопровождающееся глухотою. При крестьянскомъ уходѣ за дѣтьми въ лѣтнее время, даже заводятся черви въ ушахъ такихъ больныхъ. Средство, которое я предлагаю, не сложно и по цѣнѣ доступно самому бѣдному сельскому жителю. На весь курсъ леченія потребуется не болѣе полукопѣйки. Вотъ оно. Для леченія груднаго младенца, положить одинъ свѣжій, большой лавровый листъ на чайный стаканъ обыкновенной воды, хорошо вскипятить и дать остыть. Потомъ давать младенцу по одной чайной ложкѣ утромъ и вечеромъ. На другой день дать три ложки въ три пріема, или въ два по полторы. На третій день дать четыре ложки въ два или четыре пріема и т. д. увеличивать пріемы на одну ложку до тѣхъ поръ, пока въ день будетъ расходоваться одна небольшая рюмка отвару. На этомъ слѣдуетъ остановиться и не увеличивать пріема до тѣхъ поръ, пока младенецъ не будетъ совершенно здоровъ. По выздоровленіи не худо продолжать леченье еще нѣсколько дней, чтобы истребить и самый малѣйшій остатокъ золотушнаго яда въ организмѣ, незамѣтный для неопытнаго глаза. Въ противномъ случаѣ послѣдствія золотухи могутъ отразиться на глазахъ въ зрѣломъ возрастѣ. Начало съ малыхъ пріемовъ и прогрессивное увеличеніе ихъ дѣлается потому, что лекарство, принятое съ перваго раза въ большомъ количествѣ дѣйствуетъ на желудокъ, какъ слабительное. По этому лучше пріучить къ нему желудокъ постепенно. Дѣтямъ съ двухъ до пяти лѣтъ слѣдуетъ начинать пріемы съ десертной ложки и увеличивать до большой рюмки на день; съ 5—10 лѣтъ—съ столовой ложки и увеличивать до тѣхъ поръ, пока въ день будетъ расходоваться чайная чашка; 10—18 лѣтъ—съ небольшой рюмки и увеличивать до чайнаго стакана; въ прочихъ возрастахъ—съ рюмки и до кваснаго стакана. Но при этомъ нужно класть лавроваго листу на стаканъ воды: для дѣтей съ 5—10 лѣтъ—$1^1/_2$, съ 10—18 лѣтъ—два, въ прочихъ возрастахъ три листа. Больше двадцати лѣтъ я употреблялъ этотъ способъ леченія золотухи среди сельскаго населенія и всегда съ хорошимъ успѣхомъ. Чтобы видѣть, насколько быстро и вѣрно дѣйствуетъ это лекарство, опишу одинъ изъ послѣднихъ случаевъ леченія. Въ прошедшемъ великомъ посту, изъ одного сосѣдняго селенія пріѣхали ко мнѣ мужъ и жена съ младенцемъ, на котораго страшно было взглянуть. Не только вся головка, но даже лицо и шейка были покрыты сплошнымъ золотушнымъ струпомъ. Глазъ было невидно, и на головкѣ мѣстами было нагноеніе. Ребенокъ кричалъ безъ умолку. Почему вы не обратились къ земскому врачу?—спросилъ я родителей. Были, батюшка, не только у него, но и у самарскихъ докторовъ. Всѣ они даютъ какого-то жиру, отъ котораго ребенокъ кричитъ еще хуже. Цѣлыя ночи не спимъ съ нимъ. Онъ у насъ одинъ, и мы для него ничего не жалѣемъ, да пользы-то нѣтъ. Я разсказалъ имъ, какъ слѣдуетъ лечить младенца лавровымъ листомъ. Дней черезъ десять они опять явились ко мнѣ съ младенцемъ. Малютка постоянно рѣзвился и смѣялся на рукахъ у матери. Глазки были совершенно чисты, золотушнаго струпа не было и слѣда; но на головкѣ были двѣ красныя шишки, величиною съ простой орѣхъ, готовыя прорваться. Подъ правой щекой былъ нарывъ побольше. Это-то и испугало родителей младенца. Но это былъ конецъ золотухи. Я велѣлъ продолжать леченіе и нарывовъ не стало.

— **Живучесть предразсудковъ.** Въ Сициліи до сихъ поръ уживается повѣрье, что отъ зоба можно излечиться, если наканунѣ праздника Вознесенія запустить зубы въ кору персиковаго дерева. Этотъ обычай практикуется неукоснительно всякимъ, кто награжденъ такимъ ненужнымъ придаткомъ, и въ сказанную ночь отправляются цѣлыя толпы вѣрующихъ въ персиковые сады, чтобы «вкусить отъ дерева»—но зобъ не уменьшается, несмотря на пламенную вѣру. Тамъ же, и въ ту же ночь подъ Вознесеніе, водится изстари, чтобъ вымолить у небесъ благословеніе на стада, купать ихъ, и купаться съ ними вмѣстѣ, украшая и ихъ и себя лентами, гремушками, перьями и т. д. Туристы разсказываютъ, что это зрѣлище весьма увеселительное.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 27-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 17-го іюля въ 6 часовъ 20 минутъ, на иногороднюю почту 8-го іюля въ 12 часовъ дня.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 13 Іюля 1879 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)

